

Михаил БАРУ

ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ БУЛОЧЕК

(Окончание. Начало см.: Волга, 2024, № 5-6)

В начале двадцатого века из Петербурга в Вытегру удобнее всего было добираться водным путем. От Петербурга до пристани Вознесенье шел пароход. В Вознесенье нужно было пересесты на пароход, идущий до Вытегры по каналу. Пароход, который так и назывался – «Вознесенье», отправлялся в Вытегру по воскресеньям, средам и пятницам в десять часов вечера по приходе пароходов из СПб. Обратное по вторникам, пятницам и воскресеньям в десять утра и приходил в Вознесенье вечером к отходу парохода в столицу. Билет первого класса стоил рубль восемьдесят, второго девяносто копеек, а третьего всего сорок. В девятьсот третьем к «Вознесенью» добавились еще два пассажирских парохода «Вытегра» и «Скорый». Последний, хотя и назывался «Скорый», но быстрее четырех с половиной узлов, или восьми верст, в час идти не мог. Зато билет первого класса стоил на «Скором» и «Вытегре» всего рубль, а во втором – полтинник.

По счастью, двадцатый век в Вытегре еще какое-то время не начинался. В столицах и в больших городах уже был двадцатый, уже повсюду дымили заводы и фабрики, уже владельцы этих заводов и фабрик не знали, куда деваться от бесчисленных стачек и митингов, уже полиция сбилась с ног, вылавливая агитаторов и распространителей листовок, а в Вытегре еще продолжался девятнадцатый век.

Раз уж зашла речь о пароходах, то скажем, что с пристани в Вытегре каждый год отправлялись грузы на сумму в сто пятьдесят тысяч. Главным образом лес. Принимались же грузы хлебные, бакалейные и другие на сумму в четверть миллиона рублей в год. Епископ Олонецкий и Петро-заводский Мисаил, летом девятьсот шестого года побывавший в Вытегре, писал: «...город Вытегра, находясь при реке Вытегре судоходной, торговый, оживленный; жители города зажиточные, между ними господствуют простота и хлебосольство образцовые».

К простоте и хлебосольству добавим богатые традиции благотворительности. К зиме девятисотого года на средства Евдокии Ивановны Матвеевой, к которым добавились пожертвования вытегорских торговых компаний, благотворительных обществ и различных ведомств, был построен детский приют, торжественно открытый в конце ноября. Евдокия Ивановна была избрана его почетной председателем. В дополнение ко всем благотворительным обществам, действовавшим в Вытегре к началу прошлого века, в одиннадцатом году открылось Общество покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения. Конечно, не у всех были такие средства, как у купчихи Матвеевой, владевшей в уезде лесопильными заводами, но и те, у кого их было немного, старались, насколько могли, принимать участие в делах подобного рода. В докладе Вытегорской земской управы о народном образовании за девятьсот первый год можно прочесть, что «крестьянин Тихмангской волости, деревни Ильинской слободки, Максим Матвеев Глухарев, изъявил желание быть попечителем Ягремского училища с ежегодным взносом по десять рублей в пользу училища, о чем и довожу до сведения Собрания, не найдет ли оно достойным Глухарева избрать попечителем поименованного училища».

К благотворительности прибавим неустанную заботу об образовании. Вытегорскую женскую четырехклассную прогимназию зимой девятьсот девятого года преобразовывают в гимназию – в том же году открывают пятый класс, через год шестой и еще через год – последний, седьмой класс. В девятьсот десятом году наконец открывается в городе реальное училище с семью классами обучения. Наконец – потому, что вытегоры долго боролись за его открытие – собирали деньги, до-

бывались от министерства народного просвещения помощи и даже просили им посодействовать депутата Государственной Думы. От Петербурга помощи не дождались и потому сами приняли на себя обязательство выдавать ежегодно на содержание училища по четыре тысячи рублей, да Олонекское губернское земство добавило к этим четырем тысячам еще две. Учеников стали принимать из семи уездов Олонекской губернии и из двух Новгородской. Реальное училище имело экономический уклон. Там готовили мальчиков к занятиям коммерцией⁶⁵. К девятьсот двенадцатому году в Вытегре имелось три средних и два начальных учебных заведения. К этим учебным заведениям прибавим две мастерских – для мальчиков была открыта корзиночная мастерская, а для девочек школа кройки и шитья.

Технический прогресс Вытегру стороной не обошел – в двенадцатом году открылся кинотеатр, через три года на улицах города появился первый автомобиль. Еще раньше, в девятьсот втором, в Вытегре и уезде появились телефоны. Первые телефоны появились конечно же на Мариинской системе и у начальства Второго Округа путей сообщения, потом у купчихи Анны Лопаревой, к которой в деревню Шестово шла отдельная телефонная линия, потом появилась телефонная сеть Вытегорского уездного земства, протяженностью в две с половиной сотни верст, соединившая девятнадцать волостей, а одновременно с ней росла городская телефонная сеть. В ней к тринадцатому году, с которым так любили сравнивать все что ни попадя в Советском Союзе, насчитывался сто тридцать один абонент. По списку этих абонентов, который публиковали в ежегодных памятных книжках Олонекской губернии, можно представить себе, чем была Вытегра перед Первой мировой войной. Телефоны имелись у владельца телефонной сети Парийского, в городском банке, городской и земской управах, полицейском управлении, кабинете уездного исправника, у его помощника, у полицейского надзирателя первого участка, у заведующего городской больницей, в помещении стражников, земской аптеке, коммерческом собрании, управлении воинского начальника, тюрьме, городском и реальном училищах, почтово-телеграфной конторе, правлении Второго Округа министерства путей сообщения, на пристани Онежского пароходства, казенном винном складе, агентстве Русского страхового общества, типографии, земском бараче, представлявшем собой инфекционное отделение городской больницы, детском приюте, земском сельскохозяйственном складе, в столовой благотворительного общества и даже в чайной попечительства о народной трезвости.

Стояли телефонные аппараты и в городских магазинах – в мебельном купца Дикина, обувном и готового платья братьев Леймановых (на счетах из их магазина отдельной строкой было указано, что торгуют братья не только мужской и дамской обувью, но и резиновыми галошами), модном магазине Смирновой, винном городского головы Шарова, в трех магазинах, торговавших мануфактурой, мясом, рыбой и бакалеей, принадлежавших многочисленному семейству Крашке, которое завело в городе еще и зубоучебный кабинет с телефоном, в писчебумажном магазине купца Плоскирева, в хозяйственном Панова, на пивном складе Соколовой, в частной аптеке, в парикмахерской Хаулина⁶⁶, в городском фотоателье Ньюмана и в меблированных комнатах Букиной и Лессена. К телефонной сети были подключены два лесопильных завода.

Буквально через год телефонная сеть Вытегры увеличилась еще на двадцать пять номеров, и в городском телефонном справочнике появились общественное собрание, дамский портной Лебедев, кондитерская Бреннера, кинематограф, казармы пеших и конных стражников, сторожка Воскресенского собора, потребительская лавка, два магазина, высшее начальное училище, меблированные комнаты Чудова, мельница с лесопилкой городского головы Шарова и доктор Эльконен.

Теперь о прогрессе культурном. В девятьсот седьмом году стараниями начальника Второго округа путей сообщения Чалева и ряда вытегорских учителей при городском коммерческом клубе был открыт народный театр. Принимало участие в спектаклях около трех десятков человек. Ставили русскую классику – Фонвизина, Островского и Чехова^{67,68}. Коллежский советник и инженер путей сообщения Дмитрий Федорович Чалеев не только был одним из создателей народного театра, он еще и руководил самодеятельным оркестром при Втором Округе путей сообщения. Инженеры Мариинской системы и вообще не стояли в стороне от культурной жизни Вытегры, но

были самыми активными ее участниками. В двенадцатом году по инициативе и на средства инженера Леонарда Францевича Винницкого и директора Вытегорского реального училища Георгия Александровича Сергеева при училищном естественном кабинете был открыт музей местной фауны. Винницкий не только подарил музею свои коллекции, но и пожертвовал две тысячи рублей, на которые приехавший из столицы таксидермист изготовил чучела животных и птиц, добытых в качестве охотничьих трофеев директором реального училища. Часть этих экспонатов сохранилась – до сих пор украшают зал природы Вытегорского краеведческого музея непременно у нас чучело медведя, чучела различных птиц, волков, кабана, ласки, горностаев и редкое чучело вороны-альбиноса.

От музеев перейдем к библиотекам. Если точнее, то к одной из сельских уездных библиотек. Вестник Олонецкого губернского земства в 1907 году сообщал, что в бесплатной народной читальне Вытегорского погоста, согласно отчету библиотекарю, которым был местный школьный учитель, имеется шесть отделов: «духовно-нравственный, беллетристика, география и естествоведение, история, сельское хозяйство и периодические издания. Из названных отделов самый большой – беллетристика. В нем центральное место занимают такие корифеи русской литературы как Пушкин, Лермонтов, Толстой, Достоевский, Тургенев, Гоголь, Чехов и др. Этот отдел и еще отдел исторический, пользуются наибольшим вниманием местного населения. Слабовата детская литература на что и было обращено внимание. Слабо функционирует отдел сельскохозяйственный, самый нужный для практической жизни крестьянина; и это происходит от того, что большинство крестьян не знает даже про его существование, а каталога, хотя бы письменного, в распоряжении публики не имеется».

От книг перейдем к журналам и газетам. Самый образованный в губернии город много читал. По данным Олонецкого губернского статистического комитета в Вытегре в девятисотом году выписывалось без малого шестьсот периодических изданий и столько же в Вытегорском уезде. Вытегра по этим показателям занимала второе место в губернии – первое было у Петрозаводска. Отметим при этом, что в губернском городе Петрозаводске в указанное время проживало в два с половиной больше людей, чем в уездной Вытегре. Так что второе место мы смело можем считать первым. Тем более, что Петрозаводск лишь немного опережал Вытегру по количеству получаемых газет и журналов⁶⁹.

От событий культурных перейдем к некультурным. По данным Вестника Олонецкого губернского земства за девятьсот седьмой год в Вытегорском уезде было продано 26 321 ведро водки. В этом же году в Вытегре было продано 9651 ведро водки, что составило 20,3 литра водки на одного жителя города. В уезде пили немногим больше. Там приходилось по 25 литров на человека. На фоне остальной губернии это была довольно скромная цифра. К примеру, в Олонце на одного жителя города приходилось 38,5 литров водки в год на человека. Как писал Вестник, «То обстоятельство, что наиболее богатые наши города – Вытегра и Петрозаводск – занимают по душевому потреблению водки скромные места, может отчасти объясняться большей культурностью населения их, и, надо думать, большим потреблением пива и дорогих вин». Будем и мы так думать.

Оставим счастливых и состоятельных обладателей телефонных аппаратов, владельцев парикмахерских и кондитерских, любителей драматического искусства, потребителей дорогих вин и спустимся на этаж или даже на три этажа ниже по социальной лестнице. В журналах осенней сессии Вытегорского уездного собрания за девятьсот второй год есть раздел «О назначении пособий разным учреждениям и лицам». В нем можно прочесть о том, что ходатайство акушерки Фроловой «о назначении ее сыну Борису стипендии, приготовленному для поступления в подготовительный класс гимназии, так как содержать его своими средствами она не имеет возможности» решено отклонить, но «иметь ввиду просьбу Фроловой при назначении ей награды»; что прошение дочери псаломщика Ухотского прихода девицы Реговой о назначении ей стипендии для получения образования в Архангельской повивальной школе «оставить без удовлетворения, так как имеется однородное же ходатайство служащего в управе Дьяковского, дочери которого и

предоставить в сто рублей ежегодно для обучения в Надеждинском родовспомогательном заведении». Девица Регова писала, что она сирота и средств на содержание себя во время обучения не имеет, но... Отказали в стипендии и студенту Томского университета 2-го курса медицинского факультета Светлову, несмотря на то, что он обязался прослужить по окончании образования за четыре года стипендии пять лет в Вытегре или уезде. Ходатайство крестьянского сына Ивана Карпикова решили удовлетворить, «назначив ему стипендию в сто двадцать рублей для обучения в учительской семинарии с обязательством по окончании курса прослужить в Вытегорском земстве учителем пять лет или возместить земству затраченные на его образование деньги, поручив управе взять от него подписку и согласие матери его на эти условия». Практиканту при земской аптеке Дмитриеву увеличили годовое содержание на шестьдесят рублей в год «во внимание к его усердию». Он просил «об увеличении содержания, так как получаемых ста восьмидесяти рублей в год при дороговизне в Вытегре содержания ему, при всей аккуратности, не хватает».

Сторож сельской больницы Вонсович в поданном на имя Управы прошении писал, что отдал сына учиться в Вытегорское городское училище и на его содержание и обучение необходимо до семи рублей в месяц, а всего за девять учебных месяцев шестьдесят три рубля, уделить которые из своего жалованья, составляющего десять рублей в месяц, он не имеет никакой возможности. Сторожу в пособии отказали, но сыну помощника уездного исправника Петру Литвинову по просьбе его отца Вытегорское уездное земское собрание назначило стипендию в двести рублей в год до окончания гимназии. Оно и понятно – отказать правой руке уездного исправника их высокоблагородию надворному советнику Христофору Николаевичу Литвинову – это совсем не то, что отказать сторожу Вонсовичу. Впрочем, тут нет ничего удивительного. Удивительно то, что стипендию эту Литвинову-младшему отказался утвердить Олонецкий губернатор, написавший уездным земским начальникам, что «со стороны формальной настоящее постановление является незаконным, да и по существу не может быть призвано правильным, так как если земству и предоставлено право выдавать стипендии, то выдачи таковых должны быть обусловлены во-первых или желанием земства обеспечить себя необходимым составом лиц с известно научной подготовкой, приглашение каковых при местных условиях представляется затруднительным, при этих условиях стипендией может воспользоваться каждый при обязательстве отслужить земству известное число лет за выданную ему стипендию и во-вторых стипендии могут быть выдаваемы в виде пособия на обучение детей тех, кои сами по существующим законам имеют право получать пособие из земских средств. Назначенная же Вытегорским Уездным Земским Собранием стипендия ученику 5-го класса гимназии Петру Литвинову не подходит ни под одно из вышесказанных условий, так как нельзя предположить, чтобы земство нуждалось в услугах окончившего курс гимназии, а так как отец стипендиата будучи человеком непричастным к земству не имеет права на получение пособия, то и сын его не может получить стипендии в виде пособия». Пришлось постановление Вытегорского уездного земского собрания о выдаче стипендии Пете Литвинову отменять. Тут параллель не проведешь. Тут такая загогулина получается...

На той же сессии Вытегорского уездного собрания было решено отправить в Петрозаводск депутацию из четырех человек на празднование двухсотлетия основания города. Депутация в составе председателя уездного земского собрания, председателя земской управы и двух гласных по приезду в Петрозаводск должна была возложить венки к памятнику Петру Первому. На венок ассигновали сто рублей. На проезд, питание и прочие расходы деньги в размере трехсот рублей взяли из запасных сумм. Сторож Вонсович просил шестьдесят три... Все же не хотелось бы создавать у читателя впечатление, что Вытегорское уездное земское собрание... Нельзя не сказать, что на одном из заседаний были выделены пятьсот рублей для городского детского приюта, двадцать пять рублей губернскому попечительству о слепых, сто рублей городскому вольному пожарному обществу на приобретение водовозных бочек, семьдесят два рубля на содержание ремесленной мастерской при одной из уездных церковно-приходских школ, на занятия огородничеством⁷⁰ при той же школе выделили сто двадцать рублей, назначили единовременное пособие в двадцать пять рублей вдове фельдшера Вере Антоновой и, что нужно отметить отдельно, вопреки протесту

губернатора увеличили содержание земских фельдшеров на сто двадцать рублей и на двадцать четыре рубля повысили годовое жалованье сторожу земского училища. Еще и написали в своем решении, что «обоснованное жизненной необходимостью увеличение содержания тех или иных земских служащих вообще не может трактоваться как новый расход».

Прежде, чем рассказать о Вытегре и уезде как о месте политической ссылки, процитируем Олонецкие губернские ведомости за январь девятьсот девятого года: «С 26 декабря по 7 января у нас бывает вторая ярмарка, так называемая Рождественская. На эту ярмарку привозятся главным образом съестные припасы и в особенности всякого рода мясо. В нынешнем году на последнее необыкновенно низкие цены; так цена обыкновенного мяса доходила до 2 руб. 70 коп. и телятины до 4 руб. 50 коп. за пуд. Причиной такой дешевизны послужил большой наплыв каргопольских крестьян, навезших массу мясных туш. Казалось бы, что тут малосостоятельным жителем города представился редкий случай запастись дешевым и хорошим мясом на праздники, но не так на деле вышло. Каргопольцы продавали исключительно целыми тушами, весом каждая около восьми пудов, и потому в результате дешевым мясом запаслись люди состоятельные и местные два мясоторговца (один русский, а другой еврей), которые в то же время и тут же на месте продавали в разновес: мясо по 13 коп. и телятину по 20–23 коп. за фунт. Вообще на мясную торговлю давно следовало бы обратиться городской управе серьезное внимание и установить по образцу благоустроенных городов таксу на мясо, этот главный и необходимый продукт питания, и, таким образом, оградить беднейшие классы населения от эксплуататоров». Вот уже и появились эксплуататоры, от которых нужно оградить беднейшие классы. В начале прошлого века в Вытегре и уезде появились и те, кто борьбу с эксплуататорами беднейших классов сделал своей профессией. Появились не по своей воле, а в качестве ссыльных.

Строго говоря, Вытегра, и особенно ее уезд, и раньше использовались как место политической ссылки – после подавления польского восстания в октябре 1839 года в Вытегру сослали под бессрочный гласный надзор полиции польского дворянина Иосифа Красковского, причастного к организации подпольных революционных ячеек на Украине, Белоруссии и Литве. Через сорок лет в Вытегру и уезд были сосланы несколько десятков горцев, выселенных с Северного Кавказа.

К девятьсот четвертому году в городе и уезде образовалась довольно большая колония ссыльных борцов за права беднейших классов. В Вытегре даже действовал подпольный социал-демократический кружок. Организатором его был не кто иной, как будущий нарком продовольствия Александр Дмитриевич Цюрупа – тот самый, который потом, через четырнадцать лет, придумает продразверстку и будет одним из организаторов продотрядов. Сначала его сослали в уезд, в деревню Тудозеро. Эксплуататоры, с которыми он боролся не на жизнь, а на смерть, обеспечивали его, как и всех ссыльных, казенным денежным довольствием – пятнадцать копеек в день на пропитание и полтора рубля на наем квартиры. На эти деньги, конечно, не разгуляешься, но Цюрупа, видимо, имел другие источники дохода. Крестьянин Софронов, у которого он жил в деревне, вспоминал: «Приехал ко мне осенью в октябре 1903 г. Сначала жил с нами вместе с неделю, потом я выделил ему комнату отдельную, за что он мне платил 3 рубля в месяц. Когда писал письма, я носил их в город, за что он платил 70 коп, на лошади – 1 руб. День его распределялся так: вставал часов в 8-9 утра, пил чай, потом часа 2 писал, потом ходил гулять, затем читал газеты, обедал, после обеда гулял или отдыхал. Мужчина он был здоровый <...> Питался хорошо, ел отдельно, пил какао <...>». Во время ссылки Цюрупа встречался с приехавшим в Вытегру будущим всесоюзным старостой Калининым.

Воспоминания о том периоде жизни Цюрупы оставили многие. В советское время их тщательно собирали краеведы, и они сохранились в фондах Вытегорского краеведческого музея, записанные на пожелтевших тетрадных листочках. Жительница Тудозера Свистунова вспоминала: «Цюрупа очень любил детей. Всегда по возвращении из Вытегры угощал их конфетами. Дети знали, когда он уезжает в город, и всегда ждали его возвращения. Ходил в длинном черном халате ссыльного. С разрешения урядника выезжал в Вытегру на велосипеде. По возвращении из Вытегры должен был являться к уряднику и докладывать о прибытии. Во время выезда из деревни за-

езжал в лес, где встречался с отдельными гражданами Тудозера и поручал им проводить работу по пропаганде революционных идей. Вручал им листовки для распространения среди населения».

Листовки среди населения распространялись регулярно. Вытегорский исправник Калачев доносил Олонецкому губернатору в ноябре девятьсот шестого года: «25 сего ноября в 8 часов вечера мещанка Кашина на тротуарах Воскресенского проспекта подняла свернутый в несколько рядов полулист бумаги, на котором на одной стороне напечатано посредством гектографа воззвание к жителям г. Вытегры по поводу предстоящих выборов в Государственную думу. В этом воззвании говорится о произволе правительства, стесняющем якобы свободу действий во вред русского народа; причем в конце воззвания предлагается выбирать таких, кто будет отстаивать главные народные требования: «уменьшение налогов и справедливого их распределения, свободы печати и слова, свободы собраний и союзов; чтобы ни одна копейка народных денег не расходовалась без согласия народных представителей, отмены смертной казни и исключительных законов; всеобщего бесплатного обучения; амнистии борцов за свободу, созыва всенародного Учредительного собрания» и затем в конце помечено «ноября 1906 г» и сокращенными словами «Выт. Орг. Росс. Соц. Дем. Рабочей Партии». Сего числа рано утром поднято на улицах еще пять полулистов воззваний, тоже печатанных на гектографе: три точно таких же, как и первое, а два других печатных на обеих сторонах полулиста, с изложением того, как правительство теснит народ, как проливается кровь народа и для сего приводится указание на 9 января 1905 года, когда рабочие шли к царю высказывать нужды, а встретили ружейные залпы». Калачев умолчал только о том, что все листовки оканчивались призывом «Долой самодержавное правительство».

В девятьсот четвертом Цюрупу перевели в Вытегру, а его место в доме у крестьянина Софронова занял Ян Антонович Берзин – друг и соратник вождя мирового пролетариата, в будущем секретарь исполкома Коминтерна, один из первых советских дипломатов, управляющий центральным архивным управлением СССР и РСФСР, а в тридцать восьмом году подсудимый по делу Латышского национального центра. В воспоминаниях Софронова читаем: «После т. Цюрупы у меня был т. Берзин Иван Антонович, прибыл в 1905 году, приехал летом, молодой, лет 25, латыш, по-русски говорил плохо. Вел себя проще, чем Цюрупа, пил водочку. Говорил, что был учителем, раздавал запрещенную литературу, попался <...>. Урядник жил напротив меня, поэтому у меня помещали ссыльных. Жил у меня месяца три». Через три месяца Берзина перевели в Вытегру, а из Вытегры он бежал на нефтеналивной барже, остановившейся в Вытегре по пути в Петербург. Бежал не один, а вместе со ссыльным князем Кугушевым, тоже проживавшим в Вытегре в то время. Кугушев, хотя и был князь, очень сочувствовал революционному движению и принимал в нем самое активное участие. За что, собственно, и угодил в ссылку.

Нельзя сказать, чтобы большое количество ссыльных, социал-демократический кружок, листовки и воззвания доводили до кипения возмущенный разум вытегорских беднейших классов. Классовая борьба обостряться не хотела. Промышленность в городе и уезде развивалась, развивалась... да так и не развилась до нужного революционерам уровня. Количество рабочих на крупных предприятиях, как правило, не превышало ста человек, а уж на мелких... Даже обычного, пусть и не очень сознательного, пролетариата в нужном количестве не набиралось. То есть наличные беспорядки, драки, битье магазинных витрин и даже избиение городских набрать пролетариев было можно, но на масштабные бесчинства, а тем более на революцию их категорически не хватало. Впрочем, нельзя сказать, что трудящиеся за свои права не боролись. В девятьсот пятом году служащие вытегорской почтово-телеграфной конторы потребовали тридцатипроцентного увеличения жалованья, выдачи ежегодных денежных пособий к Рождеству и Пасхе, бесплатного обучения детей служащих, бесплатной медицинской помощи и снижения возраста выхода на пенсию.

Если бы телеграфа не было, то вытегоры не скоро бы узнали о февральской революции, но он был, и потому 23 февраля в Вытегре получили телеграмму о том, что петроградские рабочие восстали, еще через три дня в город пришла весть о том, что столичный военный гарнизон перешел на сторону восставших, а еще через день в здании вытегорской женской гимназии члены

местной ячейки РСДРП устроили митинг, который собрал... так мало участников, что это дало повод одному из его организаторов упрекнуть земляков в безразличии к происходящим в стране переменам.

На следующий день в Вытегре прошла демонстрация. По воспоминаниям очевидца, «Демонстранты шли по городу, полицейские стояли еще на своих местах и при приближении демонстрантов или скрывались, или оставались на местах, не зная что делать. Демонстранты направились по Воскресенскому проспекту к дому исправника и криками заставили его выйти. Он растерянно вышел и трусливо скрылся». Революции и кровопролития не случилось, отчасти еще и потому, что служащие вытегорской почтово-телеграфной конторы задержали телеграмму исправника вышестоящим властям о беспорядках.

Десятого марта состоялась первая демонстрация в уезде, в Ухотской волости. Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности сообщали: «Высоко поднимались, рея над головами собравшихся, красные флаги и плакаты. Горячо, убежденно и страстно лились пылкие речи, и весь этот митинг, вся мирная манифестация представляла красивое, приятное зрелище. 10 марта – историческая дата нашей местности: в этот день радостно встретили свободу, принесшую с собой братство и равенство <...>».

Власть в Вытегре перешла к земской управе и городской думе во главе с исполкомом, избранным в начале апреля. Городская дума занималась текущими вопросами так, как будто никакой революции не было. В середине марта занимались организацией заготовки дров для городского населения, ремонтом и содержанием конных барачков, назначали плату за пользование этими бараками в предстоящую навигацию и решали, отдавать или нет в аренду участки земли под киоски.

Пока занимались дровами и конными бараками, весь мир насилья с ужасающей быстротой разрушался до основания. Губернский комиссар Временного правительства своим приказом уволил в отставку всех полицейский чинов Вытегры и уезда, включая уездного исправника, становых приставов, вытегорского пристава и полицейского надзирателя. Пришлось в середине апреля на заседании думы в срочном порядке решать вопрос о преобразовании полиции в милицию. Предусмотрели постоянных и наемных милиционеров, делопроизводителей, секретаря, участковых комиссаров, писцов и рассыльных. Не решили только вопрос с формой. Оно и понятно – о пятиконечных звездах на околышах фуражек весной семнадцатого года еще и речи не было, бляхи с гербом губернии уже устарели и, самое главное, никто даже и представить себе не мог, что делать с усами новорожденных милиционеров – то ли закручивать их кончики вверх, то ли пусть свободно висят, то ли, не дай бог, сбрасывать.

Параллельно с милицией на жаловании от города открыли запись в добровольную. Учащихся высшего начального четырехклассного училища пригласили в городское военное присутствие и там выдали оружие, патроны и красные нарукавные повязки с тем, чтобы они патрулировали по ночам город.

Кроме обеспечения общественного порядка, городским властям пришлось разбираться еще и с продовольственным кризисом, который если еще и не стучал в ворота, то уже стоял с ними рядом. Одновременно с преобразованием полиции в милицию был организован Вытегорский продовольственный комитет. Олонецкий губернский продовольственный комитет, не без новизн опасаясь, что уездные власти не смогут завезти в навигацию достаточное количество продовольствия, чтобы предотвратить голод, призвал вспахать и засеять каждый клочок земли, который можно вспахать и засеять рожью, овсом, ячменем и овощами. Наступало время, когда надеяться можно было только на самих себя. По постановлению Временного правительства «О передаче хлеба в распоряжение государства и о местных продовольственных органах» все запасы продовольствия переходили в распоряжение государства. Все владельцы таковых должны были произвести учет таковых, сдать все излишки местных продовольственным органам по твердо установленным ценам. У тех, кто будет эти излишки укрывать, их будут изымать и сдавать, но уже за половину цены. Продавать муку всех сортов за пределы города запрещалось, кроме поврежденной муки, но и поврежденную муку должна была освидетельствовать специальная комис-

сия, прежде чем разрешить к продаже. Установили нормы, по которым муку частные торговцы могли продавать населению, причем продавать только по специальным книжкам из городской лавки с обязательной отметкой о продаже и непременным представлением чеков для проверки в продовольственном комитете. Норма ржаной муки на человека в месяц составляла пуд, три фунта крупчатки, первача первого сорта шесть фунтов, второго – два фунта и третьего тоже два фунта. Само собой, мука эта выдавалась, когда он была. Губернские власти с начала лета запретили еще и вывоз за пределы губернии рыбы, выловленной в Онежском озере.

После таких указов и норм продовольствие прячут даже те его владельцы, у кого никаких излишков никогда не было, и махровым цветом расцветает спекуляция.

В уезде, куда уже успели вернуться солдаты с фронта и те, кто принимал участие в февральских событиях в Петрограде, обстановка напоминала казацкую вольницу. Масла в огонь подливали большевики, убеждавшие крестьян не платить налогов, выполнять повинности, установленные Временным правительством, и конечно же экспроприировать экспроприаторов. Крестьяне не заставили себя долго уговаривать. Летом на востоке уезда, в Ухотской волости, избili сельских старост и самовольно вырубили казенные леса. Рядом, в Шильдской волости, крестьяне разграбили удельное имение, ведавшее казенными лесами, доходы от которого шли на содержание императорской фамилии. Сплав ранее заготовленного леса крестьяне, живущие по берегам сплавных рек, практически парализовали, требуя денег за пропуск леса. На реке Тихманге приказчика по сплаву и надзорщика, просивших пропустить сплавляемый лес, подстрекаемые солдатами крестьяне едва не сбросили в реку. Лесопромышленникам ничего не оставалось, как заплатить требуемые деньги.

Временное правительство распорядилось создать волостные земства, которые должны были заведовать всем, чем только можно – и продовольствием, и земледелием, и промышленностью, и здравоохранением, и образованием, и поддерживать в исправности дороги, мосты и общественный порядок. Создавать эти волостные земства никто не торопился. Все же выборы в отдельных волостях прошли в августе, и тогда же в Тихмангской волости вернувшиеся с фронта солдаты разогнали волостное земство, выбрали свою власть и даже создали собственную милицию для охраны общественного порядка в деревнях. В некоторых волостях и к концу октября никаких волостных земств так и не было создано, а уж в ноябре это и вовсе потеряло всякий смысл. Тем не менее, в предпоследний день октября в Вытегре открылось первое организационное уездное земское собрание. Вестник Олонецкого губернского земства писал: «избрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, явившееся прямым результатом завоеваний революции, воплощением мечты лучших людей России, на протяжении ряда долгих десятилетий, боровшихся за идею народоправства и в конце концов, доставивших своим потомкам возможность осуществить эту идею». Участники собрания перед началом работы, как этого требовала традиция, помолились, после чего председатель земской управы коллежский советник Клементьев приветствовал собравшихся гласных «как избранных свободным ныне народа». Через четыре месяца, в феврале восемнадцатого, Олонецкий губисполком постановит упразднить все земства в губернии.

Вернемся в семнадцатый год. Нельзя сказать, что жители Вытегры постоянно митинговали. Совсем наоборот. Первого мая часть вытегорцев собралась у разводного Сиверсова моста с плакатами, на которых было написано «Да здравствует свободный русский народ!». После короткого митинга все разошлись. Через три месяца, в конце июля в городе прошел еще один митинг с участием приехавших из Петрозаводска членов губернского Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором была организована вытегорская группа социал-революционеров. Записалось к эсерам около двадцати человек. Митинговать было некогда – все, кто владел участками земли, хотя бы размером с носовой платок, распыхали их под огороды и выращивали все, что могло расти в этих северных краях. Тем более что с первого августа по распоряжению Олонецкой губернской продовольственной управы нормы выдачи муки детям и тем, кто не занят физическим трудом, уменьшили в полтора раза.

Тем временем в городе и уезде шла подготовка к выборам в Учредительное собрание. Всем этим в уезде занималась специальная Вытегорская уездная комиссия. Создали шесть с лишним десятков избирательных участков, обеспечили их отоплением, освещением и ящиками для голосования. В начале октября вытегоры встречались с приехавшими из Петрозаводска кандидатами в члены Учредительного собрания, и обсуждение прошло так бурно, что не обошлось без стрельбы. Чуть позже, в середине октября, в городе был создан Совет рабочих и солдатских депутатов, а еще через две недели власть в Петрограде захватили большевики. В Вытегре никто банк, почту, телеграф, единственный разводной Сиверсов мост не захватывал и на штурм здания городской управы не ходил. Все произошло мирным путем, как и во всей Олонецкой губернии.

В ноябре семнадцатого года вытегорский городской Совет рабочих и солдатских депутатов единогласно поддержал резолюцию Олонецкого губернского Совета, решившего, что до образования «однородного социалистического министерства», в которое войдут все социалистические партии, губсовет не признает никакой другой центральной власти и, независимо от центра, берет на себя организацию высшей правительственной власти в губернии. Вытегорский Совет рабочих и солдатских депутатов эту резолюцию дополнил, постановив, что «вопрос о принятии власти в свои руки оставляет открытым до следующего заседания на том основании, что в заседании сего числа, т.е. 7-го ноября 1917 г., участвуют представители демократических организаций только одного города, а не всего уезда, и главным образом нет представителей крестьянства, составляющего большинство населения всего уезда. Ввиду сего поручить исполнительному комитету Совета предложить крестьянам делегировать своих представителей в Совет и затем разрешить вопрос о власти, до этого же власть должна оставаться по-прежнему в руках уездного комиссара. Причем последний должен работать в полном контакте с Советом крестьянских, солдатских и рабочих депутатов».

Все ждали созыва Учредительного собрания и его решений. В его работе принимали участие и делегаты от Олонецкой губернии – эсер Матвеев и член РСДРП, меньшевик Шишкин. Перед самым новым годом, 28 декабря, Вытегорская городская дума, заслушав телеграмму Шишкина о том, что Учредительному Собранию грозит опасность потому, что «Совет народных комиссаров не хочет уступить ему дорогу». Делегаты призвали на всех собраниях и сходах выносить резолюции с требованием передачи всей власти Учредительному собранию и слать им телеграммы с текстами этих резолюций в Петроград. Два дня городская дума думала и 30 декабря постановила: «Возлагая свои надежды на учредительное собрание, неприкосновенность которого должна быть священна, Городская Дума, не допуская никаких посягательств на это высокое учреждение, требует предоставить ему всей высшей власти в стране. Да здравствует Учредительное собрание!». Здравствовать Учредительному собранию оставалось менее двух недель.

С первого декабря Губернский продовольственный комитет уменьшил норму потребления хлебных продуктов – тридцать фунтов для тех, кто занят физическим трудом, и двадцать для тех, кто не занят. Известия Олонецкого Губернского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов в статье «Хлебный кризис» писали: «<...> надежды на подвоз из производящих губерний малы и потому неэкономные расходования продуктов неизбежно приведут наш край к голоду. Призывайте Волостные организации к переучету запасов в тех обществах, где организованный Губернским Продовольственным Комитетом учет не дал положительных результатов. О принятых мерах незамедлительно сообщите Губернскому Продовольственному комитету». Все это было похоже не столько на приказ, сколько на крик о помощи.

В конце семнадцатого и начале восемнадцатого годов большевики развернули агитацию за созыв съезда депутатов всех волостей Вытегорского уезда и выборы нового Совета депутатов. В конце января в городе прошло общее собрание представителей волостей, которое избрало исполком Совета рабочих и солдатских депутатов во главе с присланным из Петрозаводска для установления Советской власти в уезде бывшим питерским рабочим Метелкиным. Само собой, собрание постановило, что вся власть в уезде должна принадлежать советам. В волостях проходили крестьянские сходы, на которых принимались резолюции в поддержку исполкома Вытегорского совета.

Съезд Совета рабочих и солдатских депутатов проходил в беспокойной обстановке. Часть горожан была категорически против его проведения, и потому во время работы съезда даже вставал вопрос о переносе его заседаний в село Анхимово Вытегорского погоста. Активная часть недовольных граждан, ведомая прапорщиком Парижским, под лозунгами «Вся власть Учредительному собранию» прошла по городу с целью предъявить свои требования сторонникам Советов. Успели они пройти по Воскресенскому проспекту, но на подходе к Сиверсову мосту их встретила демонстрация красновардейцев под лозунгами «Вся власть Советам» и «Долой Учредительное собрание». В Вытегре, как и в Петрограде, сторонникам Учредительного собрания пришлось разойтись.

Городские власти еще в начале декабря избрали уездный Совет, состоящий из кадетов, меньшевиков и эсеров. Совет избрали как орган временный, который должен существовать до тех пор, пока власть не перейдет к законным представителям правительства, которое, в свою очередь, изберет Учредительное собрание. Пока же, как писали в своем постановлении организаторы Совета, «власть на месте должна принадлежать Совету солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, пополненному представителями демократических организаций города Вытегры и уезда».

После разгона Учредительного собрания Вытегорский Совет рабочих и солдатских депутатов понял, что чаша весов склоняется в его сторону, и созвал общее собрание представителей волостей для обсуждения положения в уезде, на котором после долгих прений большинством голосов решили – власть должна принадлежать Совету. Между тем положение в уезде и в городе оставляло, мягко говоря, желать лучшего. Лесозаготовки прекратились, Мариинская водная система была практически парализована, деньги в бюджет города и уезда не поступали. Продовольствия катастрофически не хватало, поскольку то, что успели завезти в семнадцатом году при Временном правительстве, уже закончилось или почти закончилось, а с новыми поставками продовольствия дело обстояло из рук вон плохо. Все осложнялось еще и тем, что вопросами продовольствия ведала Земская управа, выдававшая документы на получение продовольствия своим уполномоченным лицам. Двоевластие продолжалось до конца зимы восемнадцатого года. Крестьяне вытегорского уезда при этом на Земскую управу и ее уполномоченных внимания не обращали. К примеру, жители Андомской и Кондушской волостей самовольно захватили три с половиной тысячи пудов пшеничной муки, направленной из губернии в вытегорский продовольственный отдел⁷¹. Крестьяне Чернослободской волости в конце января восемнадцатого года на своем собрании постановили: «Выразить недоверие Вытегорскому уездному земству по поводу его неправильных работ и совершенно его уничтожить <...>. Признать властью в нашем Вытегорском уезде Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, идущий рука об руку с народом, а также и Вытегорского народного уездного комиссара, давать им полное доверие и поддержку в их работе на благо народа, одобряя их работу на минувшем заседании». Через несколько дней, в начале февраля, к жителям Чернослободской волости присоединились крестьяне Бадожской, признав Советскую власть.

В конце февраля в Вытегре открылся первый уездный съезд Вытегорского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. На съезде присутствовали делегаты от всех волостных Совдепов, от союзов кооперативов, рыболовства, фельдшеров и акушеров, учителей, от жителей Вытегры, лесохозяйственного комитета, Вытегорского солдатского гарнизона и от уездного земства. На съезде решили организовать четырнадцать управляющих отделов – финансов, народного хозяйства, земельный, судебный, труда, народного просвещения, врачебно-санитарный, жилищный и продовольственный. Одновременно выбрали комиссаров девяти отделов, а оставшимися пятью отделами поручили управлять уездному комиссару Беланину. Уже в самом конце работы съезда постановили реквизировать в распоряжение уездного Совета городскую типографию со всем инвентарем.

В том же феврале Олонецкий губисполком постановил упразднить земства, а чуть позже губерния велела упразднить и городские думы. 25 февраля 1918 года Вытегорское уездное земское собрание и должность уездного комиссара были упразднены. Все то, чем занималась теперь уже

бывшая земская управа, перешло в ведение Вытегорского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов.

Правду говоря, первый исполком гор не свернул. Для описания его работы хватит и нескольких слов, которые можно найти в докладе Вытегорского уездного исполкома, сделанном на губернском съезде Советов через год: «Им были сделаны некоторые благие начинания в смысле улучшения положения крестьян и рабочих, но много ему работать не пришлось. На почве распри вина среди членов произошло убийство. Вслед за этим расшумевшейся толпой граждан гор. Вытегры несколько членов было разогнано, а часть оставшихся должна была созвать чрезвычайный съезд. И в 20-х числах марта съезд был созван. <...> Намечен ряд конкретных шагов и избран Исполнительный Комитет, политическая физиономия которого была такова: один коммунист, два эсера, остальные беспартийные». Один коммунист – это выбранный председателем исполкома большевик, матрос Балтийского флота и уроженец Бадожской волости Вытегорского уезда Михаил Николаевич Мехнецов. Два эсера – заместители Мехнецова и еще двенадцать человек рядовых членов исполкома.

Пришлось этому съезду заниматься тем, что впоследствии назовут социалистическим строительством – устанавливать восьмичасовой рабочий день, тарифы оплаты труда различных профессий, запрещать сверхурочные работы, создавать народный суд и привлекать к его работе квалифицированных юристов, заниматься организацией специальных комиссий в волостях для распределения свободной земли между безземельными и малоземельными крестьянами, назначать пенсии раненым и инвалидам, открывать в городе отделение Народного банка, увеличивать заработную плату учителям, упразднять волостную и городскую милицию и преобразовывать ее в Красную гвардию. Наконец доизбрали комиссаров тех отделов, которые все еще находились в ведении уездного комиссара Беланина, а саму должность уездного комиссара устранили. Впрочем, это все уже частности. Гораздо важнее то, что депутаты съезда приняли решение «Поручить исполкому в самый кратчайший срок провести организацию по изданию газеты под названием “Известия Вытегорского Совета крестьянских и рабочих депутатов” и привлечению опытных сотрудников». И ее действительно организовали в кратчайшие сроки – уже в день закрытия съезда, шестого апреля по новому стилю, вышел первый номер Известий Вытегорского Совета крестьянских и рабочих депутатов. На первой странице первой в истории Вытегры газеты было напечатано обращение к читателям: «Дорогие труженики: крестьяне, рабочие, учащие, учащиеся, фельдшера, служащие казенных и частных учреждений и торгово-промышленных предприятий, а также всякий, кто с уважением привык относиться к печатному слову! Вы имеете теперь, по желанию Ваших избранников уезда – Вытегорского Совета К. и Р.Д. – свою газету. Как бы ни подозрительно, а некоторые даже со злопахательством ни смотрели на появление нашей трудовой газетки, все же никто не может усумниться в том, что самое появление ее есть огромный шаг к свету в нашем еще медвежьем углу. Мы верим в добро, справедливость, равенство и братство. Мы верим в идеалы. Нас глубоко, радостно волнует, что наша газета – детище демократии... К Вам, друзья света, добра и справедливости обращаемся мы. Поддержите своим сотрудничеством Вашу трудовую газетку. Пишите правдиво, кратко, сжато, простым народным языком. Пишите, что Вас волнует, что чувствуете, что делается на местах»⁷².

Потом, конечно, было разное и даже такое, что не приведи Господи, но начиналось все с веры в добро, справедливость, равенство, братство и идеалы. Начиналось с обращения к друзьям света, добра и справедливости. С огромного шага к свету в медвежьем углу.

В середине апреля в Вытегре появилась первая ячейка РКП(б). В первом ее составе было десять человек и пять сочувствующих. На первом своем собрании коммунисты приняли резолюцию: «Сплотившись в ряды бойцов за социализм, создавший Вытегорскую Организацию Российской Коммунистической Партии (большевиков), мы, пролетарии города Вытегры, шлем горячий привет друзьям бедноты товарищам Ленину, Троцкому, Луначарскому и др., и клянемся высоко нести красное знамя борьбы за счастье трудящихся и угнетенных всего мира до нашей конечной цели – социализма».

Самое активное участие в работе ячейки принимал Николай Клюев, живший в то время в Вытегре. Выступал он и как агитатор, и с чтением своих стихов почти на каждом митинге и на каждом собрании⁷³. Часто его стихи публиковались в Известиях Вытегорского совета крестьянских и рабочих депутатов, главным редактором которой назначили его близкого друга – учителя истории Архипова. В агитаторах тогда у новой власти была большая нужда. Вытегорский военный комиссар Аганичин даже поместил в газете объявление «Для военного Отдела при Выт. У. Совдепе требуются агитаторы и пропагандисты, стоящие на платформе Советской власти. Желающих работать прошу обращаться в Военный отдел». Агитаторам и пропагандистам предстояла трудная работа – в том же месяце военный отдел Вытегорского Совета через газету предложил волостным и сельским советам незамедлительно приступить к производству записи добровольцев в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, организуемую согласно декрету и инструкции Народных Комиссаров. Списки записавшихся представляли в Военный отдел Совета Штаба Красной Армии в г. Вытегра. О ходе записи сообщать Отделу каждую неделю. Добровольцев было мало. Куда больше дезертиров, спекулянтов, укрывателей товаров и тех, кто продолжал экспроприировать экспроприаторов. Отряды красной гвардии что ни день проводили обыски у вытегорских обывателей, находя припрятанные запасы чаю, табака, махорки, сахара, муки, папирос, свечей, мыла и конфет. Все это изымалось и оплачивалось по таксе губернской продовольственной управы⁷⁴. Кстати, о конфетах. В первом же номере вытегорских известий была напечатана заметка о том, как по деревням Кондушской волости рыщут предприимчивые граждане, «обменивая леденцы-камушки, которых сам сатана не разгрызет, на имеющуюся еще у крестьян водку по два фунта за бутылку. За деньги сметливые ребята своих леденцов не уступают». Бутылка водки обходилась им в пересчете на леденцы рублей в восемь, а продавали они ее в другом месте в шесть раз дороже. «Тьфу, нечисть!» – восклицает газета. И об экспроприации экспроприаторов. Во втором номере газеты читаем о том, как в середине февраля восемнадцатого года крестьяне Тихмангской и Ухотской волостей не смогли поделить лес бывшей помещицы Бельской. До такой степени не смогли, что были убиты двое участников дележа и трое ранены.

В городе и уезде было беспокойно. В начале апреля новая власть призвала вытегорцев к порядку, запретив «всякие произвольные действия, направленные против общественного порядка и спокойствия; произвольное задержание или препятствие всякого рода сплавам, независимо от того, как они производятся и чьих владений касаются; произвольное занятие или раздел пахотной и сенокосной земли помимо воли ее владельца, который обрабатывает ее личным трудом, ни по каким мотивам не допустимо. За нарушение пунктов настоящего постановления, виновные в том лица по представлению соответствующих Отделов Уездного Совета или Исполкома подлежат суду Революционного Трибунала, при чем в случае виновности подвергаются тюремному заключению от одного до трех месяцев. <...> Приговор Трибунала объявляется виновным чрез волостные и сельские власти, после чего они немедленно добровольно должны прибыть к месту заключения в Вытегорскую тюрьму; не подчинившиеся этому подлежат приводу в понудительном порядке мерами социалистической красной гвардии, при чем в этом случае наказание увеличивается в 1 ½ раза». Тогда же, в апреле, исполком уездного Совета начал наделять малоземельных и безземельных крестьян землей, изымать хлебные излишки у тех, кто не успел их как следует спрятать, и продовольствие у частных торговцев. Ввели картонную систему на продукты питания, установили единые цены на товары, новые тарифные ставки и издали постановление о первом стотысячном взносе поимущественного налога на буржуазию города и уезда под угрозой конфискации имущества неплательщиков. Кстати, о продуктах питания, а точнее об овощах. В середине апреля «Известия» пишут о том, что состоялось собрание союза женщин. «Много прений вызвал вопрос об устройстве общественного огорода под руководством опытного инструктора. Ни к какому решению не пришли».

Пятого мая у здания, где помещался уездный комитет РКП(б), собралась толпа, потребовавшая к себе председателя комитета Фалькова. Несмотря на просьбы разойтись и не поддаваться слухам о красной гвардии, новых налогах, надвигающемся голоде, толпа не разошлась, а расхо-

дилась так, что начала бить Фалькова, которому с трудом, но все же удалось вырваться. Толпа же отправилась к казарме красногвардейцев, чтобы их разоружить, а по пути избива начальника отряда Рачковского. Разоружить отряд, который уже ждал такого развития событий и был при оружии, не удалось. Горожане пошумели и разошлись.

Через две недели после этих событий Советская власть обратилась к вытегорам с еще более строгим предупреждением: «В виду имевших место в городе и уезде контрреволюционных и провокационных выступлений, постановлено: 1. Лица, замеченные где бы то ни было в агитации против Советской власти, а равно против и красной гвардии, и красной армии и партии большевиков-коммунистов будут предаваться суду Революционного Трибунала. 2. Всем ворам, хулиганам и паразитам немедленно удалиться из г. Вытегры и его уезда. 3. Со дня опубликования настоящего постановления все лица, указанные в п. 2, захваченные на месте преступления с оружием в руках, или оказавшие сопротивление будут расстреливаться, а менее важные преступники будут предаваться суду Революционного трибунала. 4. Волостным Совдепам предписывается принять настоящее постановление к руководству и неуклонному исполнению». Кстати, тех, кто распространял воззвание депутатов Учредительного собрания Шишкина и Матвеева «К нашим избирателям», тоже приравнили к контрреволюционерам, подлежащим суду Ревтрибунала.

В первой половине мая прошли выборы в первый городской совет депутатов. В состав совета вошли бывшие купцы братья Крашке, бывший городской голова Шаров, кадеты, эсеры... Все они, прежде чем стать кадетами, эсерами и членами горисполкома, числились в списке первой абонентской телефонной сети города Вытегры в девятьсот тринадцатом году.

Между тем голод уже не надвигался, а громко стучал в ворота. К концу весны из тринадцати волостей Вытегорского уезда только пять имели запасы зерна, да и эти запасы были, мягко говоря, очень скромными – от двух до восьми тонн на волость. Семенного зерна и вовсе не было ни у кого. Положение осложнялось тем, что получить хлеб из Курской, Харьковской и других южных губерний было невозможно – там шла Гражданская война. Инфляция была чудовишной, и потому те, кто имел хлеб, предпочитали не продавать его за обесцененные деньги, а менять на мануфактуру, керосин, обувь, кожу, сельскохозяйственные орудия и различные товары промышленного производства. Олонецкая губерния в обмен на хлеб могла предложить только лес. Хлеб имелся, например, в Сибири, но там и своего леса было более чем достаточно. Вытегорский комиссар Совдепа Аристаров буквально с отчаянием писал в своем докладе по продовольственному вопросу: «<...> все лесные материалы, заготовленные в Олон. Губ., идут поэтому в Петроград, который взамен может дать только одно: бросить к нам не одну сотню голодающего населения».

В конце мая кончилась учеба, и учителя, чтобы уберечь детей от голода, заранее узнали в близлежащих деревнях – кому требуются для детей няньки. Няньки требовались, но в деревнях было немногим лучше, чем в городе. В деревнях обстановка накалилась до предела.

Из уголовной хроники начала июня восемнадцатого года: в деревне Философской, Тихмангской волости трое граждан той же волости избивали кольями и нанесли несколько ударов ножом председателю отдела и председателю исполкома местного Совета из-за того, что им было отказано в выдаче сахара сверх пайка.

Председатель исполкома Совдепа Мехнецов третьего июня отправил в Петрозаводск телеграмму: «На почве явного голода в городе, уезде население озлоблено, хорошо известно, что завтра, 4 июня, из разных волостей десятки тысяч озлобленных голодом людей придут в Вытегру решительно требовать отмены единовременного налога, разрешения всякой свободной торговли, спешного удовлетворения хлебом всех голодающих. В противном случае намерены с помощью темных сил свергнуть Советскую власть в уезде. Срочно отправляйте пароходами хлеб в Вытегру, ждем вашей помощи хлебом». Ходили слухи, что вот-вот в город придут тысячи крестьян из трех близлежащих волостей за хлебом. Шестого июня Губернский продовольственный комитет ответил телеграммой Мехнецову, что пятого июня пароходом из Петрозаводска отправлено полтора вагона овса, полторы сотни пудов ячменя и еще два хлебных поезда, а еще два десятка вагонов грузится в Нижнем...

Вот только крестьян с этой телеграммой ознакомить не успели, так как уже четвертого июня они под белыми знаменами пришли в Вытегру требовать хлеба. К счастью для властей, добрались до города крестьяне только Девятинской и Вытегорской волостей. Часть волостей удалось уговорить в этом походе участия не принимать. У крестьян были вожаки – лесопромышленник Семенов и купец Оленев. На срочно созванном митинге крестьяне через своих представителей требовали у властей разрешить свободную торговлю, возврат денег, внесенных на закупку продовольствия, отмены единовременного поимущественно-подходного налога, выдачи хлеба голодающему населению и, по наущению своих вожаков и присутствовавших на митинге депутатов городского совета, передачи власти городскому совету депутатов. К митингующим вышли председатель Совдепа Мехнецов, военный комиссар Аганичин, комиссар продовольствия Аристаров и член исполкома Пахомов. Остальные члены исполкома, как записано в журнале заседания Исполкома Вытегорского уездного Совдепа, состоявшегося через два дня, «дезертировали и, если были, то где-то в толпе». Когда комиссар продовольствия Аристаров сказал, что уезд не может заготовить для себя хлеба без разрешения Губернской Коллегии, Семенов прервал его выкриком: «Хлеба заготовить без разрешения не можете, а обирать нас без разрешения можете!» Обстановка, и без того накаленная, стала накаляться еще больше. Из толпы стали кричать: «Вон, долой, комиссар голода!», «Вон, повесим!», «Передать власть городскому Совету!». Тут на сцену вышел отряд красногвардейцев, ежедневно патрулировавший город, и драма начала на глазах превращаться в трагедию. Семенов с сотней митингующих бросились к патрулю с намерением его разоружить. Военный комиссар Аганичин приказал патрулю дать залп вверх для острастки, а потом, когда это не помогло, красногвардейцы стали стрелять из ружей и пулемета в толпу. Как вспоминал в своих мемуарах очевидец этих событий Александр Матвеев: «Через пять-десять минут мимо дома бежали толпы крестьян из города в сторону полян. Они то бежали, то быстро шли и снова бежали, кто как успевал. Их простенькие пиджачки и чистые разноцветные рубашки и тросточки в руках напоминали праздничную крестьянскую гулянку, между тем это были участники контрреволюционного похода крестьян на Вытегру, организованного врагами Советской власти». Крестьяне Кондушской волости, уже шедшие в Вытегру, узнав о расстреле митинга, повернули назад.

Вечером того же дня власть создает Военно-Революционный Комитет, который объявляет Вытегру на военном положении со всеми вытекающими из этого последствиями. Усилили охрану почты, телеграфа, отключили все частные телефоны. Тем, кто не сдаст оружие в течение суток, грозил ревтрибунал. Лиц, уличенных в попытках свержения Советской власти, обещали расстреливать на месте. В резолюции Вытегорского Съезда президиума волостных Совдепов, созванного по горячим следам июньских событий, обещали расстреливать и тех, кто будет пойман на полях за выкапыванием картофеля, а всех уличенных в укрывательстве продуктов и товаров первой необходимости будут штрафовать на сумму от трехсот до пяти тысяч рублей, и все найденные продукты и товары конфисковать. Неделю в газете были опубликованы словесные портреты купца Оленева⁷⁵ и лесопромышленника Семенова вместе с просьбой «к гражданам, знающим местопребывание названных контрреволюционеров, сообщить местным властям на предмет задержания их для передачи в распоряжение следственной Комиссии при Олонецком Губернском Революционном Трибунале». Вслед за портретами газета напечатала постановление граждан Коштугской волости Вытегорского уезда, в котором эти граждане возмущаются выступлением крестьян Девятинской волости и выражают «глубокую благодарность членам Исполкома Уездного Совдепа за их деятельность на пользу трудового крестьянства и за те репрессивные меры, какие были приняты в связи с выступлением 4-го июня⁷⁶».

Военно-Революционный комитет распустил Городской совет, а тех его членов, которые были замечены на митинге четвертого июня, арестовывает. Тут же избирается новый Горсовет. Руководить его работой назначают комиссара Фалькова. В середине июня открылся Третий уездный съезд Советов крестьянских и рабочих депутатов, на котором решили создать при уездном Сов-

депе комиссариат по внутренним делам с подотделами советской милиции и Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.

Тем временем фронт придвинулся к границам Олонечкой губернии – со стороны соседней Архангельской губернии наступали белофинны, англичане и американцы с канадцами. Положение с продовольствием из отчаянного стало катастрофическим – даже то немногое, что могла дать губерния Вытегре и уезду, до нее не доходило из-за самочинных захватов зерна в пути. По уезду поползли слухи о том, что наступающие англичане везут с собой много хлеба и как только прогонят большевиков, голод прекратится. Слухи свое дело сделали – беспартийные члены вытегорского исполкома под разными предлогами стали увольняться⁷⁷. По берегам рек лежал неотправленный лес, а новый почти не заготавливался. Вытегорские власти ввели самые разнообразные запреты и ограничения на все, что связано с продовольствием – нельзя было отправлять посылки с продуктами за пределы уезда и обменивать предметы домашнего обихода на продукты. У тех, кто несмотря на запрет продолжал обменивать утюги на пироги, могли конфисковать и утюги, и пироги, и сапоги, и любую другую домашнюю утварь. Ввели налоги, к счастью, единовременные, на рояли, пианино, экипажи и лошадей для того, чтобы пополнить городской бюджет. Вытегорский уезд должен был выплатить единовременный поимущественно-подоходный налог в размере более миллиона рублей. Кроме единовременного на уезд свалился еще и чрезвычайный налог в два с половиной миллиона рублей. К этим налогам прибавим единовременные сборы с торгово-промышленных предприятий, которые и без того дышали на ладан, на золотые и серебряные вещи, на продажу гербовых марок и даже бывшие земские сборы. Кроме того, вытегорская власть, следуя заветам вождя мирового пролетариата, решила строго учесть и контролировать все то, что нужно и не нужно учитывать и контролировать, начиная от телег, саней, плугов, борон, сеялок и веялок, рыболовных снастей, экипажей, письменных столов, несгораемых шкафов и кончая кухонной утварью, весами, гирями и даже театральными биноклями. Насколько это было эффективно и сколько учли театральных биноклей, теперь сказать трудно, но в восемнадцатом году постановления о строгом учете регулярно публиковались в городской газете.

Понятное дело, все эти запреты, налоги, голод и положение на фронтах энтузиазма у населения не вызывали, а совсем наоборот. Для поддержания порядка в городе и уезде требовались меры чрезвычайные, и Советская власть, в отличие от царской, их применила без колебаний. Были взяты заложники из числа бывших купцов, чиновников, дворян, офицеров, членов оппозиционных партий и помещены в городскую тюрьму. В случае любых попыток сопротивления, а тем более свержения советской власти, заложников расстреливали. Списки заложников публиковались в газете.

К середине лета власти стали организовывать в волостях комитеты бедноты и выбирать военных комиссаров, чтобы руками самих крестьян находить и отбирать излишки продовольствия у тех, у кого они еще были. Нельзя сказать, что крестьяне комбедам и военным комиссарам обрадовались. От учета призывников, годных к военной службе, учета коней и телег никто хорошего не ждал. Тем более от комбедов. К примеру, в Кондушской волости крестьяне согласились на избрание военного комиссариата лишь под страхом ареста, а комбед создавать отказались наотрез. Некто Митягов и вовсе совершил поступок «недостойный свободного гражданина, выразившийся в произведении плевка на воззвание о создании комитетов деревенской бедноты». Митягову повезло – он просто посидел некоторое время в тюрьме до суда. Уездная ЧК решила, что этой отсидки хватит для острастки. Комбеды, конечно, сыграли огромную роль в расслоении крестьянства и в разорении середняков, но хлеба они прибавить не смогли. В конце августа власти отправили в Курскую губернию отряд из семидесяти двух человек на хлебозаготовку.

Не прошло и трех месяцев со времени Третьего уездного съезда Советов крестьянских и рабочих депутатов, как в конце сентября восемнадцатого года был созван Четвертый, принявший решение о национализации промышленных предприятий города и уезда. Через две недели после съезда была создана специальная комиссия, которой поручили заниматься этим вопросом. В ноябре Вытегорский уездный Совет объявил о национализации красочного, кирпичного и лесопиль-

ных заводов, бумажно-картонной и картонной фабрик «со всем инвентарем, материалами, как готовыми, так и сырьем, и всем техническим имуществом». Все национализированные предприятия были переданы в ведение и распоряжение комиссии по национализации. Конечно, передать предприятия в распоряжение комиссии было гораздо проще, чем заставить их работать и производить краски, кирпичи, бумагу, картон и доски. Особенно тогда, когда в управлении заводами и фабриками принимают участие выбранные от рабочих люди, не имевшие раньше никакого отношения к управлению. Надо сказать, что и сами рабочие, в отличие от советских начальников, это хорошо понимали. Так, например, на одном из лесопильных заводов выбранный из рабочих член управляющей коллегии уже через месяц после назначения написал заявление в комиссию по национализации с просьбой освободить его от занимаемой должности, «так как я считаю эти обязанности себе непосильными, при моем слабом знании и характере будет один ущерб и тормоз делу во всем. Поэтому прошу комиссию назначить на этот пост лицо административное и не из рабочих как я, а более знающего дело и его ведение».

К осени восемнадцатого года положение с продовольствием стало мало-помалу улучшаться. Крестьяне Вытегорского уезда собрали, пусть и небольшой, но все же урожай, а из Курской губернии вытегорский продотряд отправил в октябре домой восемь вагонов зерна. Тогда же, в октябре, Советская власть в лице военного комиссара Вытегорского уезда потребовала от Вытегорского горсовета и всех волостных советов немедленно провести регистрацию мужчин от восемнадцати до сорока пяти лет, причисленных к буржуазии и нетрудовому элементу. Всех этих людей предполагалось зачислить в тыловое ополчение. Два третьих волостей через месяц ответили, что таких граждан у них нет. Военный комиссариат этими ответами остался недоволен и в следующем циркуляре дал расширенное определение лицам, причисленным к буржуазии и нетрудовым элементам: «На предоставленное вами 18 сего ноября за № 249 вкрадывается сомнение, так как согласно Приложения 2 к Декрету Совета народных комиссаров от 20 июля 1918 года подлежат регистрации на предмет зачисления в тыловое ополчение лица, пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли, живущие на нетрудовой доход, проценты с капитала, поступления от имущества и пр. владельцы промышленных предприятий, члены советов и управлений акционерных обществ, всякого рода товариществ, директора, управляющие, доверенные их помощники, частные поверенные, прочие ходатаи по делам, нотариусы, биржевые маклеры, торговые и коммерческие сотрудники, сотрудники буржуазной печати, монахи, духовные служащие церковей и религиозных культов (всех вероисповеданий), лица так называемых свободных профессий, если они не выполняют общественно-полезных функций, бывшие офицеры, чиновники, воспитанники юнкерских училищ и кадетских корпусов, лица, не имеющие полезных занятий». Под такой монастырь можно было подвести кого угодно, и через месяц волостные советы стали присылать заполненные регистрационные карточки. К концу года все карточки Вытегорским военным комиссариатом были получены – в городе оказалось пятьдесят девять буржуазных и нетрудовых элементов, а в уезде сто восемьдесят восемь. Всем зарегистрированным выдали временные трудовые свидетельства, больше похожие на паспорта, чем на трудовые книжки. Без них нельзя было передвигаться по стране и получить продовольственные карточки. Не обошлось, конечно, и без недоразумений. Граждане, которых, по их мнению, несправедливо причислили к буржуазии и нетрудовым элементам, стали жаловаться и писать в Отдел советского управления по внутренним делам Вытегорского уезда. Крестьянина деревни Великий Двор Макачевской волости Алексея Некрасова причислили к буржуазии только за то, что он когда-то занимался торговлей, причем сам, не имея приказчика. Причислили несмотря на то, что в восемнадцатом году он ни торговлей, ни спекуляцией не занимался, а свой земельный участок обрабатывал своими руками, прислуги не имел и только на время уборки хлеба нанимал поденщиц. Все эти сведения гражданин Некрасов подтвердил отдельным письмом сельсовету, но... попал в списки буржуазных элементов как торговец и мелкий буржуй второй категории.

Крестьянин Ухотской волости Федор Усков попал в списки буржуев только за то, что во время военной службы состоял в должности старшего писаря еще до эпохи исторического материализ-

ма и при этом получал жалованье. Не бог весть какое, но все же жалованье – сначала полтинник, потом рубль с копейками, потом два с половиной, а на вершине своей военной карьеры целых четыре рубля. В своем заявлении Федор Усков пишет: «...Отдел Вытегорского советского управления считает меня “буржуем”, но прежде чем давать такие клички и взыскивать деньги, которые для меня как для трудовика дорого стоят, я советовал бы вам, товарищи, с этим разобраться, а клеймить человека ни за что, ни про что, становится обидно. Я смогу открыто сказать про себя: “Я – трудовик-крестьянин”, сам лично зарабатываю мозолистой рукой хлеб, который поддерживает жизнь человека. Я не паук, а также не трутень, хоть вы считаете меня таким. До призыва на действительную военную службу я работал в своей деревне при отце хлебопашеством, а после окончания таковой, я прибыл в ту же деревню и занимаюсь исключительно физическим трудом. Имущественного положения нет, так как живу я с братьями и при отце, имущество не разделено. <...> И вот с этим несчастным жалованием я попал в буржуи. Из сказанного можете заключить, какой я буржуй».

Из сказанного можно заключить еще и то, что кто-то в Ухотском сельсовете так не любил Федора Ускова, что записал его в буржуи за четыре рубля жалованья. История закончилась резолюцией Отдела советского управления, направленной в Ухотский сельсовет: «Касательно перехода гражданина Ускова из категории буржуа в класс пролетария со стороны Отдела советского управления препятствий не встречается».

Жители уезда активно выступали за то, чтобы сельских священников исключить из списков нетрудовых элементов, но беспощадную борьбу с религией никто не отменял, и потому все ходатайства сельсоветов Отделом советского управления были отклонены. Когда в ноябре восемнадцатого года в селе Андомский Погост крестьяне избили агитатора, рассказывавшего им, почему опиум для народа, а заодно и его брата, то власти арестовали по этому делу двадцать человек, а местного священника, как зачинщика беспорядков, расстреляли. Третьего декабря Вытегорский исполком запретил колокольный звон. Корреспондент вытегорских «Известий» сообщал по этому поводу из Мегорской волости: «Проходя мимо небольшой кучки свободных кумушек, пришлось невольно остановиться, услышав разговор о местной власти. Одна из них громко призывала Бога покарать того, кто выдал записку местному попу о запрещении колокольного звона, другая же настойчиво уверяла, что Бог обязательно сведет тому руки и повернет ноги пятками наперед. “Я доподлинно узнала, что сделали это наши еретики “команисты”». Руки вытегорским «команистам» не свело и ноги пятками назад не вывернуло, но жалоба горожан в вышестоящие инстанции свое дело сделала, и через три месяца Вытегорский исполком, получив разъяснение НКВД, это решение отменил.

В конце декабря восемнадцатого года собрался Пятый уездный съезд Советов. На нем делегатам власти доложили, что во всех школах прекращено преподавание Закона Божия. Правда, многие несознательные родители с этим не смирились и стали оплачивать это преподавание из собственного кармана, но долго так продолжаться не могло. Кстати, о школах. Несмотря на отсутствие денег, разруху и голод, несмотря на катастрофическую нехватку старых учебных пособий и полное отсутствие новых советских, учебный год начался десятого октября. По сравнению с семнадцатым годом количество учащихся увеличилось вдвое. В уезде открыли дюжину библиотек-читален, четырнадцать культурно-просветительных кружков, пять народных домов и два детских сада, а в самой Вытегре открыли Советский театр.

Положение с продовольствием к концу хода снова ухудшилось. Того, что отправил вытегорский продотряд из Курской губернии, было совершенно недостаточно. В ноябре продовольствие стали распределять по категориям, утвержденным Народным комиссариатом продовольствия в Петрограде. В первую категорию входили рабочие, занятые тяжелым физическим трудом, кормящие грудью матери детей до одного года, кормилицы и беременные с пятого месяца. Они получали по десять с половиной килограммов хлеба в месяц. К январю девятнадцатого года эту норму уменьшили на три килограмма шестьсот граммов. Все остальные категории получали куда меньше.

Надо отдать должное Советской власти – бюллетень о количестве имеющихся в распоряжении продотдела продуктов регулярно печатался в местной газете. В записи от второго февраля девятнадцатого года в нем сообщалось, что «Ввиду недостатка в городе молока и яиц, комитетом отпущено в аптеки для выдачи больным детям 10 пудов пшена и 3 пуда сахару. Означенные продукты должны выдаваться по рецептам врачей»⁷⁸.

В уезде не было ни аптек, ни раздачи больным детям по рецептам пшена и сахара. Голод подтолкнул часть населения уезда к переселению в хлеботородные губернии. Корреспондент газеты сообщал в начале апреля девятнадцатого года из Ладвозерской волости: «На почве хронического недоедания и голода, ошущаемого в последнее время в нашей волости, начинается массовое выселение едоков, целыми семьями направляющихся в Вытегру, с целью получить разрешение и пробраться в хлеботородные губернии. Уже из пределов волости к 1 апреля уехало 15 семей или около ста едоков. На очереди еще несколько семейств, которые уже заявили в Совдеп о переселении по той же причине. Следовало бы порекомендовать продовольственному уездному центру, а равно и волостному, ввиду предстоящего разлива рек, при бездорожице и отдаленности от уездного города, а также во избежание дальнейших переселений из Ладвозерской волости, позаботиться о немедленном, вне всякой очереди и нормы удовлетворения, наделения волости хлебом и семенами. <...> В противном случае, это переселение в хлеботородные губернии, этот поток будет увеличиваться. Пока не поздно, надо действовать».

Хлебом и семенами не наделили, но разрешили переселяться в уезды Самарской губернии. Сказать, что не заботились, нельзя. Тогда же, в апреле, из Москвы пришло тридцать вагонов с хлебом, правда не для Вытегры, а для всей губернии; на склад уездной закупочной конторы пришло сто десять пудов конины; десятого февраля в Вытегре открылся Питательный Пункт, устроенный Уездной продовольственной коллегией. Это было его второе открытие – в августе восемнадцатого года он открывался в первый раз, но быстро закрылся и-за отсутствия продуктов. «Штат служащих около 50-ти человек. Имеется хороший повар. В начале отпускалось 300–500 обедов, а теперь уже 1700, кроме ужинов. Чаю отпускается до 4000 стаканов, ужинов до 1500. Все время администрация и заведующий Питательным Пунктом прилагают все усилия, чтобы поставить дело общественного Питания на должную высоту», сообщала местная газета. Она же зорко следила за его работой: «Немного правды о Питательном пункте. Действительно, тяжело смотреть, когда служащая, барышня Р., с посторонней дамой Г. кушают масляную кашу в присутствии изголодавшихся детишек 3–10 лет. Так было на днях. Дети, видя такую прелесть и не понимая, что каша во время ужина полагается не для всех, просят тоном мольбы: “мама, дай кашки!” Мама, поставленная в неловкое положение, быстро берет детей за руки и уводит подальше от соблазнительной каши. На улице она разъясняет им, что их наивная просьба ни к чему другому, как только к конфузу не привела, и что нужно быть сдержанными, когда чужие люди едят соблазнительные кушанья. Так уже им полагается. Не знаем, поняли ли дети эту материнскую мораль и иронию, но, во всяком случае, при детях надо соблюдать известную осторожность при употреблении каши»⁷⁹.

Поводов для недовольства было хоть отбавляй – то задерживают выдачу табачных изделий, то «керосин, привезенный в последнее время, <...> разбавлен настолько, что не горит, а только чадит», то уездный продкомитет не сообщает вовремя о предстоящей или уже произведенной выдаче продуктов. Голод, продрозверстка, раскулачивание, самовольные захваты продовольствия, направляемого губернскими властями в город и уезд, в сочетании с обстановкой на фронтах Гражданской войны, оптимизма вытегорам не прибавляли. В начале февраля газета сообщает своим читателям: «Пожалуй, посильнее табачных и чайных дел волнуют население слухи о близости белогвардейцев. С трудом можно убедить, что Каргополь и Пудож еще не взяты». За неосторожно сказанное слово можно было попасть в тюрьму⁸⁰, куда неосторожные граждане и попадали гораздо чаще, чем им хотелось бы. Оттуда их пытались вытащить родственники.

Весной девятнадцатого года жительница деревни Мостовой Кондушской волости Екатерина Фунтикова написала письмо в местную ячейку РКП(б): «Муж мой Федор Фунтиков (прим. в июне 1918 года был избран в состав уездного исполкома от партии левых эсеров) вот уже пятый

месяц лишен свободы, той свободы, к которой мы стремились и стремились, и за что? Причины я не вижу и не знаю, ведь не все же граждане большевики, а есть и других партий и беспартийные, но все ходят на свободе. Если он и сказал, что вам не нравится, то умоляю вас, товарищи, простить ему, как прощаете другим. Положение мое самое плачевное, все время хвораю и не могу справлять своего, хотя и худенького, хозяйства. Нет дров печи истопить, часто корову доят соседи. Сын малолетний, присмотреть не кому, на днях упал в колодец, едва спасли. А что я буду делать с приближающимися весенними работами? Крыша течет, на дворе вода и скотину приходится держать на сарае. Дорога пала, и сено осталось не вывезено в лесе. Товарищи! Еще раз прошу и умоляю спасти моего мужа и взять его на поруки, все говорят, что от вас зависит его освобождение. Неужели он настолько виноват перед вами, или сделал такой проступок, что хотите сгноить его в тюрьме? Нет, не верю я, чтобы истинные товарищи были настолько бессердечны, жестоки, и буду ждать от вас освобождения своего мужа». Товарищи по партии согласились взять неосторожного Федора Фунтикова на поруки и ходатайствовать перед Вытегорским Совдепом о его освобождении⁸¹.

Житель той же деревни просит Кондушскую ячейку РКП (б) взять на поруки своего брата, Дмитрия Мосина, сидящего в городской тюрьме по подозрению в переписке прокламаций левых эсеров. Правда, вина его доказана не была, но... сидеть в тюрьме это ему не мешало. Согласилась ли ходатайствовать перед Вытегорской ЧК за освобождение Дмитрия Мосина кондушская ячейка большевиков, неизвестно.

Нет ничего удивительного в том, что были в Кондушской волости беспартийные граждане, с нетерпением ждавшие прихода белых, а уж Советскую власть и большевиков аттестовавшие такими словами... О чем бдительные граждане незамедлительно доносили куда следует. В заявлении в Кондушский военный комиссариат члена РКП(б), пожелавшего остаться неизвестным, сказано: «19 марта 9 дня нового стиля собрано было собрание сельского совета деревни Гусевой. Пришедшие граждане не обсуждали никакие вопросы, а поднимали контрреволюционные выступления против советской власти коммунистов-большевиков, что эти коммунисты только для разграбления страны, но при резком выступлении говорили Николай Митрофанович Июдкин, Андрей Митрофанович Июдкин, Алексей Владимирович Хрястов. “Недолго поцарят большевики, скоро придет Белая армия и мы пойдем в Белую армию и перережем их и все их семьи”, – добавил Чугунов Стефан Иванович. “Кто есть коммунисты, то... (нрзб.) надеть кафтан на голову и бить палками каждого, не дожидая белых, и прогнать их и совет их подлый”. Прошу Кондушский военный комиссариат принять к сведению и привлечь такие названные лица, которые поднимают саботаж и не дают гражданам беднякам объединяться».

В новой, советской, жизни было много такого, чего не было, да и не могло быть в старой. Например, комиссии по распределению вещей, реквизированных у буржуазии. Эта комиссия через газету в конце февраля девятнадцатого просила «граждан, просьбы которых в выдаче вещей удовлетворены, забрать их не позже третьего марта. Лица, не взявшие вещей до указанного срока, лишаются права на получение, и вещи, назначенные к выдаче им, будут переданы другим». Жилищный Подотдел город Вытегры предупреждал граждан, получивших бесплатное муниципальное жилье, о недопустимости колки дров на крыльцах, в сенях и других помещениях. «Воспрещается выливание помоев в отхожие места, около строений, на дворы и др. не соответствующие своему назначению места. В случае неисполнения настоящего предложения, лица, виновные в причинении тем или иным путем вреда вообще строениям, будут привлечены к ответственности со взысканием всех убытков и расходов Жилищного Подотдела по повреждениям или очистке нечистот».

Никогда не было в Вытегре стола жалоб, куда любой мог бы обратиться с жалобой на действия чиновников, а весной девятнадцатого года появился. На одном из своих заседаний Исполком постановил, что «каждый гражданин может подавать заявления на преступные действия советских работников. Жалобы эти периодически будут разбираться, и виновные получают по заслугам. В волостях такие жалобы могут подаваться членам Уездисполкома, которые будут ежемесячно их

посещать. Граждане должны этим широко пользоваться, но, понятно, не злоупотребляя». Новая власть запретила переходить с одного места работы на другое без специального на то разрешения. Тех, кто это распоряжение нарушал, наказывали. Так, за самовольный переход из одного учреждения в другое машинистка уездного исполкома Антонина Морозова в январе двадцатого года попала под суд, по решению которого ей пришлось заплатить три тысячи рублей штрафа. Мало того, ее еще и лишили права состоять на государственной службе в течение полугода.

Не было газеты, в которой публиковались списки дезертиров, не было субботников, на которых играли духовые оркестры, не было митингов по поводам, которые еще пять, даже три года назад было себе трудно вообразить. Вот резолюции трех митингов, которые прошли в Вытегре в ответ на убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург:

«Резолюция Вытегорского волостного коллектива партии Коммунистов 26 января 1919 года.

Обсудив убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург, совершенное буржуазией и социал-предателями Германии, Вытегорский волостной коллектив Коммунистов шлет проклятия всем врагам рабочего класса, всем паразитам трудящихся масс, вырывающих вождей пролетариата. Коллектив верит, что наступит царство социализма на земле, несмотря ни на какие жертвы, понесенные рабочим классом в борьбе за проведение в жизнь идей коммунизма. Да здравствует мировая рабочая революция! Да здравствуют вожди рабочего класса! Вечная память погибшим на поле битвы за дело освобождения трудовых масс! Председатель собрания Рогозин.

По текущему моменту Сойдинского Коллектива Коммунистов <...>. Заслушав доклад о текущем моменте <...> заявляем, что будем до конца стоять на страже завоеваний Советской России; шлем горячий привет борцам за свободу т.т. Ленину, Зиновьеву, Троцкому и Луначарскому, приветствуем президиум Вытегорского Коллектива Коммунистов. Мы, объединившиеся в глухом углу – Сойде, заявляем всем врагам Народной Власти, что мы ни пяди не отступим назад и поведем с ними борьбу. Да здравствует Власть Советов! Да здравствует Коммунизм в деревне! Председатель Коллектива Кабанов.

Граждан Бадожской волости <...>. Мы, граждане Бадожской волости, присутствуя на митинге 2 февраля и заслушав доклады <...> о текущем моменте и необходимости защиты интересов трудового народа постановили: все до единого готовы пасть в борьбе с капиталистами и всеми врагами трудового народа за освобождение всемирного пролетариата от гнета и тисков векового врага – капитала. Да здравствует наша доблестная Красная Армия! Да здравствуют борцы за Свободу! Да здравствуют наши вожди Коммунисты – Ленин, Троцкий, Зиновьев и проч. <...>».

Не все митинги оканчивались такими яростными резолюциями. Митинг, посвященный первой годовщине создания Красной Армии, окончился чтением Николаем Ключевым поэмы «Гимн великой Красной армии» и спектаклем в пользу семейств красноармейцев. Митинг, посвященный этой же дате, в тот же день прошел и в уезде, в селе Ухта. Там тоже пели Интернационал, выступали ораторы с пламенными речами, ходили по окрестным селам со знаменами и флагами, а вечером, как писал корреспондент газеты: «состоялся бесплатный спектакль или вернее, литературно-музыкальный вечер при участии местной интеллигенции. Пока готовились на сцене, было кое-что прочтено и затем любители разыграли две картинки: исповедь перед попом приговоренного к казни революционера и освобождение из тюрьмы политического восставшими рабочими. Играл небольшой струнный оркестр, говорили стихотворения, общим хором исполнили много революционных песен и закончили вечер пением Интернационала».

Все же жизнь понемногу налаживалась. Весной девятнадцатого года возобновил работу кирпичный завод. Рабочим в качестве заработной платы выплачивали по три фунта хлеба в день. За кирпичным заводом заработали три лесопильных и завод «Коммуна», производивший сельскохозяйственные орудия. Тогда же стали создавать сельскохозяйственные коммуны и артели. Их организовали всего шесть, и самая большая из них в Андомской волости насчитывала сорок четыре человека. Еще две коммуны распались из-за того, что их участники не смогли договориться между собой, а одну с названием «Бедняк» и вовсе упразднил уездный земотдел «как организованную из нетрудовых элементов деревни».

Летом девятнадцатого года в уезде организовали восемь школьных колоний. Это были первые пионерские лагеря еще до пионерских лагерей. Школьники на летний период обеспечивались всем необходимым государством. В такие колонии в первую очередь зачисляли детей городского пролетариата, а также тех волостей, в которых голод был особенно силен. В уезде планировали открыть еще пять детских садов для приходящих детей, две колонии и пять общежитий для круглосуточного содержания, которые называли очагами. Эти очаги предполагалось открывать в глухих местах.

Теперь о культурной жизни, которая, несмотря на все несчастья, свалившиеся на головы вытегорцев в первые годы Советской власти, была. Как только в Вытегре появилась своя газета, в нее сразу стали присылать стихи⁸³, в литературном листке время от времени печатались стихи Николая Клюева⁸⁴, на сцене Советского театра ставили спектакли. Появились даже местные театральные критики. В качестве иллюстрации к театральной жизни тех лет Вытегры приведем две, напечатанных в газете «Звезда Вытегры», рецензии на спектакль «Женатый Мефистофель», поставленный на сцене вытегорского Советского театра весной девятнадцатого года:

«1 апреля в городском театре шла комедийка Мировича “Женатый Мефистофель”. Об этом спектакле можно было совершенно промолчать, если бы не благородная цель, с какою он был поставлен. Сбор шел на усиление “Союза Женщин-работниц”. Следовательно, до известной степени спектакль в пользу пролетариата. И вдруг преподносится фарс, развлекавший в свое время сытую петербургскую буржуазию и состряпанный в ее удовольствие. Неужели нет нужных пьес? Или они не по силам нашим любительским талантам? Культивируйте граждане серьезное искусство, а пошлость оставьте буржуазии».

«Редакцией “Звезды” получено письмо от Союза женщин по поводу рецензии о “Женатом Мефистофеле”. Союз женщин пишет, что “Женатый Мефистофель” разыгран очень талантливо и дал много искреннего смеха и что этот фарс развлек даже рецензента и разгладил морщины недовольства на его лице. Далее Союз женщин добавляет, что “смех необходим всегда, как кусок ржаного хлеба”. Я не отрицаю, что и смех может быть хлебом, но с тем, что “Женатый Мефистофель” развлек и рецензента я не могу согласиться. Я еще ценю облагораживающее действие смеха “сквозь незримые миру слезы” великого Гоголя, гневный ядовитый смех Щедрина, безоблачный К. Джером-Джерома или М. Твена, но мне кажется громадным преступлением против нашей эпохи громовых бурь социальной революции – защита желудочного смеха, которым проникнут весь “Женатый Мефистофель”. Такой смех необходим был в старое время какому-нибудь буржуа, который после сытного обеда и хороших гаванн шел в театр порассеяться. Преподнести пролетариату подобные фарсы, превращать театр – храм красоты в балаган, это – верх близорукости. Хмурый».

Нужных пьес не было. Их еще не успели написать, а потому ставили те, что остались от старого мира, прах которого еще не до конца отряхнули со своих ног. Поэтому красноармейцам караульной роты в пользу «Недели фронта и транспорта» в феврале двадцатого года пришлось ставить спектакль по старой, еще тринадцатого года, пьесе Тадеуша Кончинского «Крылья смерти», в котором некий доктор не имеющую слуха девушку под гипнозом делает способной петь оперные партии. Сюжет несомненно буржуазный, но нам сейчас интересна не столько пьеса, сколько лотерея, состоявшаяся после спектакля. На ней, как писала «Звезда Вытегры», был разыгран пирог за две тысячи рублей, два фунта сахара за полторы тысячи и четверть фунта махорки.

Прервем ненадолго рассказ о «Неделе фронта и транспорта», чтобы сообщить о том, что в сентябре девятнадцатого года начался поход Северо-Западной Армии под командованием Юденича на Петроград, и первый председатель вытегорского исполкома и бывший матрос Балтийского флота Михаил Николаевич Мехнецов, несмотря на то что Вытегра была достаточно далеко от театра боевых действий, свой пост оставил и уехал в Кронштадт командовать отрядом моряков, защищавшим город от наступавших частей Юденича. В Вытегру он больше не вернулся⁸⁵.

Теперь о «Неделе фронта и транспорта», проведенной в феврале двадцатого года. На эти дни для всех ввели десятичасовой рабочий день, и ежедневный заработок каждого работника за два

часа отчисляли в пользу этой самой недели. Всего было собрано около полутора миллионов рублей, не считая продуктов, теплых вещей, белья и подарков для красноармейцев. В конце мая двадцатого года провели «Неделю трудового фронта» для того, чтобы как можно скорее закончить сплав и отгрузку лесоматериалов в Петроград. В конце декабря снова устроили неделю лесозаготовок. Нельзя сказать, чтобы население было в восторге от этих мероприятий и рвалось на лесозаготовки, а потому уездный агитпроп в своих тезисах для агитаторов, опубликованных в газете «Трудовое слово», сообщал вытегорам, что «В неделю лесозаготовок каждый гражданин, не ставший еще на работу, должен это сделать, иначе его будет карать железная рука пролетариата. <...> Эта неделя должна носить характер общеуездного коммунистического труда. <...> Да здравствует трудовая дисциплина! Смело вперед к победе на трудовом фронте. Долой несознательность и разгильдяйство. Беспощадная борьба с трудовым дезертирством!» В двадцатом году насчет железной руки пролетариата уже можно не сомневаться. С дезертирами боролись на всех фронтах. Особая комиссия по предоставлению отсрочек при Вытегорском Уездвоенкоме объявила в мае двадцатого года, что «красноармейцам, состоявшим в частях войск и прибывших на родину для поправления здоровья, отсрочки предоставляться не будут, а потому лица, возбудившие ходатайство в Комиссии по отсрочкам на красноармейцев в отпусках по болезни из частей войск, будут преданы суду Ревтрибунала, как укрыватели дезертиров».

С укрывателями продовольствия поступали ничуть не более гуманно. Продразверстку в двадцатом году никто не отменял. Правда, за ее выполнение стали поощрять. Например, за выполнение гражданами яичной и молочной разверсток коллегия Уезпродка постановила выдавать га-лоши, а премия в полфунта соли полагалась каждому, кто выполнил ягодную разверстку. Острее всего стоял вопрос снабжения населения хлебом. Уже и дрова в Рыбинск в обмен на хлеб отпра-вили, уже и пообещали оттуда полтора миллиона пудов хлеба, а хлебную норму снова урезали. Не хватало не только хлеба для людей, но даже сена для скотины, которое выдавали по нормам. Власти объявили, что «в первую очередь сено будет выдаваться гражданам, не имеющим своих запасов, так как максимальная часть <...> отправляется в Петрозаводск <...> и лишь небольшая часть остается на местные нужды, причем из остающейся части в первую очередь снабжаются учреждения, а затем уже граждане. <...> Вывоз гражданами города сена из волостей уезда не разрешается». В мае часть населения уезда, из опасения, что продотряды отнимут у них не только излишки, но и весь картофель, стала его сажать. В мае хорошо сажать картошку где-нибудь в Кур-ской или Орловской губерниях, но не в Олонецкой. Советским служащим с октября двадцатого года иногда выдавали мясо из городской мясной лавки. По два с половиной фунта на человека. То есть по килограмму с небольшим. Впрочем, так везло далеко не всем советским служащим. В уез-де и этого не видели. Вот открытое письмо правлению Уездсоюза работников просвещения одно-го из учителей, напечатанное в городской газете: «Прислушайтесь товарищи к крику крошечных детей народных учителей. Они не умолкая пищат, протестуют о справедливости, они требуют и манной каши, и молочка, и сахарного песочку. Все это необходимо для питания, роста и образо-вания жиров в детском нежном организме. Я имею в виду только детей до трех-четырёх лет. Про-дукты эти имеются для городских детей и почему-то обойдены дети народных учителей. Возьму первый год жизни обездоленного ребенка: у отца-пролетария нет коровы, а граждане деревни признают только товарообмен на соль, керосин, мануфактуру, т.е. на те предметы, в которых чув-ствуется такая острая нужда. Ребенку хочется и покушать свежего молочка, но учитель не может ежедневно покупать его. О прочих продуктах нет и помину. Грызи крошка, ржаную корочку и запивай водицей! Подобное отношение недопустимо в Российской республике, где все усилия центра направлены на заботы о питании детей. Немного перепадет ребенку молочка и от матери, особенно матери учительницы, на долю которой досталось два с половиной фунта сбоя от уби-тых овец в четыре месяца. Ваш долг, товарищи, заботиться о нуждах учительства. Позаботьтесь о матери труженице и ее ребенке. В противном случае в недалеком будущем мы рискуем увидеть детей-рахитиков, вид которых послужит нам упреком в нашей халатности, нашей небрежности к улучшению детского питания детей пролетариев». К этому письму редакция от себя добавляет:

«Полагаем, что для нашего Вытегорского Упродкома является очередной задачей исходатайствование бесплатного детского питания для детей пролетариев уезда. Губпродком должен дать ясный и определенный ответ». Учитель, конечно, нужен, но какой из него пролетарий...

Несмотря на все эти несчастья, вытегорцы в двадцать первом году смогли помочь голодающим Поволжья. Только на концерте в городском театре в помощь голодающим было собрано около двадцати девяти тысяч рублей, а Кондушское общество потребителей пожертвовало почти миллион.

Двенадцатого февраля двадцать первого года вытегорская газета «Трудовое слово» напечатала маленькую заметку о событии, которое на судьбу Вытегры и вытегорцев вряд ли повлияло, но и пройти мимо него нельзя. «Победа платформы тов. Троцкого. Дискуссия о роли профсоюзов в Вытегре в общегородской партийной организации заняла два собрания. С защитой платформы 10 (Ленина, Зиновьева и др.) выступал т. А. Чудов, платформы Троцкого, Бухарина и др. – т. А. Богданов. При голосовании платформа Троцкого получила большинство – 31 голос, платформа Ленина – 28 голосов». Что тут скажешь... Лет через десять даже вспоминать о результатах этого голосования будет страшно.

В двадцать втором году Вытегорский уезд присоединили к Петроградской губернии. Его бы, конечно, к Петроградской губернии ни за что бы не присоединили, но Олонецкую губернию декретом ВЦИК упразднили и разделили. При этом три самые дальние от Вытегры волости Вытегорского уезда передали в Каргопольский уезд, отошедший к Вологодской губернии. В полугодной жизни Вытегры в этот год произошло два события – открылась сапожная мастерская на десять человек для инвалидов войны, в которую принимались желающие обучаться сапожному мастерству на иждивении уездного собеса, и в городском театре поставили пьесу Шиллера «Коварство и любовь». Публика и театральная критика, если судить по заметке в «Трудовом слове», остались недовольны.

Жизнь, теперь уже советская, на месте не стояла. В двадцать четвертом году у ручья Вянг поставили два паровых двигателя⁸⁶, снабжавших город, хотя и не весь, электричеством, а еще через два года построили электростанцию. Которая смогла дать электроэнергию во все городские учреждения и частично горожанам. В городе появились пятьдесят уличных электрических фонарей. Через год после того, как зажглись электрические фонари, в Вытегорском театре открылся кинематограф. В двадцать седьмом году в городе открылся железнодорожный сад-театр с тиром и летней сценой, на которой выступал хор и духовой оркестр. Вообще культурная жизнь в городе стала куда живее, чем в годы Гражданской войны. Правда, советская культурная жизнь имела свои особенности, которые организаторам культурных мероприятий не стоило забывать. В противном случае... «На семейном вечере самодеятельности, устроенном Вытегорским волостным месткомом, большая часть времени ушла на танцы. Местком и культкомиссия союза, устраивая “плановый вечер”, не смогли придумать ничего более лучшего. Месткому просвещенцев, объединяющему свыше тридцати членов, можно было бы дать на вечере что-либо художественное, тем более что о вечере долго и много говорили. В будущем надо заботиться о лучшем содержании таких вечеров», – писала газета «Крестьянское слово» в июне двадцать седьмого года. В этом же номере заметка с красноречивым названием «О Надсоне, гнилых романах, труппе “Пролетарский актер” и о наших концертах», в которой корреспондент газеты восклицает: «Товарищи и граждане – исполнители романсов, песен и стихов! Поменьше грусти, тоски и боли! Побольше здорового, веселого и жизнерадостного искусства! <...> В нашей пролетарской литературе есть красивые, цельные стихи и песни. Зачем, для чего вытаскивать на свет упадочнические стихи и романсы буржуазного “искусства”? Это – не критика. Это затаенная мысль зрительного зала, и я беру на себя смелость высказать ее».

Правильные, с точки зрения новой власти, вечера и концерты должны были выглядеть по-другому. Например, так: «Первого января в школе первой ступени состоялся вечер просвещенцев. Восемь часов вечера. В помещении школы горит огонь. Собираются просвещенцы. Мелюзги нет, но на вечер явилось много молодняка. Взрослые члены профсоюза очень довольны вечером.

Довольны и все участники его. Свободное непринужденное настроение. Нет ни бузотерства, ни шума, никаких хулиганских номеров. “Азартно” сражаются в шахматы и шашки <...>. Собрались в общий зал. Прослушали небольшой докладик. Спели коллективно несколько песен. Часть участников выступила с декламациями и рассказами. Охотно станцевали “русского”. Прослушали две речи Ильича на граммофоне. Далеко за полночь, выпив по стакану чая, просвещенцы веселые и бодрые разошлись домой».

К жизни культурной вплотную примыкала жизнь общественная, которая могла принимать довольно причудливые формы. Почтово-телеграфная контора Вытегры открыла в двадцать третьем году прием пожертвований «в пользу пролетарских масс Японии» и обратилась «ко всем учреждениям и лицам исполнить свой долг и внести посильную лепту в пользу Японии». Кооперативным движением Советская власть охватила даже школьников – в уезде, в деревне Макачево, в январе двадцать шестого года на общем собрании учащихся было решено открыть школьный кооператив. Вступительный внос в кооператив по решению собрания составил две копейки, а паевой – восемь. Тут же избрали правление и Ревкомиссию. Еще и устроили спектакль, чтобы выручку от него сделать запасным капиталом. Нельзя сказать, чтобы эти школьные кооперативы были совершенно бесполезны. Они оптом закупали линейки, тетради, циркули и карандаши и по устойчивым ценам продавали их своим пайщикам. Школьные принадлежности еще очень долго были в дефиците – через шесть лет, в тридцать втором году, вытегорская газета «Колхозное знамя» писала, что в городе невозможно купить ни циркулей, ни линеек, ни угольников, и курсантам-мотористам и рабочим, занимающимся самообразованием, трудно сделать даже простой чертеж.

Вернемся к общественной жизни города второй половины двадцатых и начала тридцатых годов. Баня, если она общественная, к ней тоже относится. Так вот, городской бани в Вытегре до сей поры не было, и газета требовала у Горкомунотдела, чтобы он ее построил. В противном случае, утверждала газета, вытегоры завшивеют. Прогресс коснулся не только бани – городскую амбулаторию в двадцать шестом году разделили на отдельные кабинеты, в каждом из которых стали принимать пациентов профильные специалисты. К бане и амбулатории прибавим открытие в тридцатом году педагогического училища. Помещение для училища долго искать не пришлось – его открыли в здании бывшей Николаевской женской гимназии.

В конце двадцатых пришла в Вытегорский район коллективизация. В марте тридцать первого года было охвачено колхозами около трети всех хозяйств района. Страницы местной печати запестрели заявлениями крестьян, желающих вступить в колхозы. Приведем лишь некоторые из них.

«Я, крестьянка деревни Таровой, Александра Терехова, убедилась, что религия – это сплошной обман для темных людей. Бросая всякую связь с религией, вступаю в колхоз и вызываю последовать моему примеру соседей Терехова Василия, Терехова Николая, Терехова Ивана, Терехову Евдокию, Сергееву Наталью, Сергееву Анну и Сергеева Александра. Александра Терехова (крестьянка-единоличница)».

«Мы, делегатки Патровского пункта, Сперовского сельсовета, организовали вербовочную группу по вовлечению в колхозы. В пример другим двое из нас вступили сами в колхоз. Обязуемся шире поставить разъяснительную работу по вовлечению в колхозы и вызываем на соцсоревнование женщин деревни Камручей Каляшову и Кузнецову».

«На общем собрании крестьян Палтогского сельсовета по вопросу коллективизации 60-летний старик Ник. Фед. Теровский подал заявление о вступлении в колхоз. Теровский вызывает на вступление в колхоз соседей Теровского Михаила, Теровского Федора, и др. Крестьяне, берите пример с Теровского, идите в колхозы».

Это с одной стороны. С другой – развернулась кампания по недопущению кулаков в колхозы, а тех, кто уже вступил, выгнать из них. Газетные заголовки тех лет в вытегорском «Колхозном знамени» говорят сами за себя: «Подстрижем когти кулаку эксплуататору», «Разоблачим и выживим кулака», «Сельсоветы, колхозы отвечайте на заметки селькоров, немедленно принимайте

меры. Кулаков вон из колхозов!». Селькоры немедленно к штыку приравняли перо и писали, писали, писали...

«Вышибленный из рядов ВКП(б) Александр Силкин каким-то образом затесался председателем Слободского поселкового товарищества, и вступил в колхоз. В прошлом году Силкин был ярым противником мероприятия Соввласти. Слободской сельсовет и колхоз должны немедленно избавиться от негодяя Силкина. Селькор Глаз».

«В Крюковский колхоз “Первое Мая” (Анхимовский сельсовет) вступил кулак Агеев Г.А., предварительно распродавший часть своего имущества. Цель Агеева – спасти свою волчью шкуру. <...> Узнал Агеев, что дополнительными хлебозаготовками пахнет и, недолго думая, зарыл в снег солидные излишки хлеба, но... опять не повезло – нашли хлеб играющие ребятишки. Кулаку Агееву не место в колхозе. Правление колхоза и сельсовет, примите срочные меры. Колхозник».

К тридцать четвертому году, как писала в своем постановлении IX Вытегорская партийная конференция, «Колхозный строй окончательно победил, кулачество подавлено, коллективизировано в районе 82,65% <...>. Конференция ставит задачу в 1934 г. завершить сплошную коллективизацию, превратить район из потребляющего в производящий». Оказалось, что поставить задачу куда проще, чем выполнить. То есть загнать всех или почти всех в колхозы можно, но превратить район из потребляющего в производящий куда сложнее – то срывается план по хлебозаготовкам, то по молоку... «Колхозное знамя» заклинает⁸⁷ в конце января тридцать второго года: «Осталось пять дней. Выше темпы выполнения заданий по хлебозаготовкам в эти решающие дни. К первому февраля закончить хлебозаготовки. Темпы безобразно низкие. Хлебживсоюз растерял своих уполномоченных и ждет, когда советская власть за них сделает дело. <...> Меры воздействия на недотачиков Хлебживсоюз до сих пор не применил. Если Хлебживсоюз и эту декаду будет находиться во власти самотека, то последний срок выполнения плана хлебозаготовок 1 февраля с.г. будет нарушен. Необходимо теперь же Хлебживсоюзу мобилизовать все силы и средства для выполнения задания и при содействии общественности выполнить задание к 1 февраля», «Срывающих хлебозаготовки на черную доску», «Сломить кулацкий саботаж. Выполнить план молокозаготовок во что бы то ни стало. <...> Дадим девятьсот девять тонн молока в 1932 г. Изжив ошибки прошлого, развертывая соревнование, решительно наступая на кулака, всемерно укрепляя животноводство не только выполним, но и перевыполним задание боевым проведением молокозаготовок улучшить снабжение трудящихся». На бумаге все было гладко, но в действительности... «В чем же причины позорного отставания в выполнении закона о молокотеке? – спрашивала газета. – Прежде всего в бездушном и оппортунистическом отношении к выполнению молокозаготовок руководителей сельпо и сельсоветов <...> работа пущена на самотек, план не выполняется, злостно уклоняющиеся и в особенности кулаки к ответственности не привлекаются. Надо со всей решительностью ударить по оппортунистической расхлябанности. Кулацкий саботаж молокозаготовок должен быть решительно сломлен. Заготконтора Райпотребсоюза обязана <...> организовать борьбу за неуклонное выполнение пятидневных заданий, доводя их до каждого в отдельности сдатчика и заготовителя. На выполнение плана молокоздачи должна мобилизоваться вся общественность района и сломить кулацкое сопротивление. План выполнить в срок и полностью». С объяснением неудач стало куда проще, чем до семнадцатого года – раньше кроме засухи, проливных дождей и заморозков в июне ничего и выдумать было нельзя, зато теперь всегда были под рукой оппортунисты с их расхлябанностью, кулацкий саботаж, самотек и злостные уклонисты.

Самый большой прорыв случился, однако, не на фронте хлебозаготовок и хлебосдачи. В конце лета тридцать первого года стало ясно, что район срывает договор на поставку леса. Поставку не куда-нибудь, а в Англию. Разбираться в причинах и исправлять положение в Вытегру приехал Киров⁸⁸. Ликвидировали прорыв методом, которым в тридцатые советская власть пользовалась часто – к началу сентября управление Северных лагерей на двух баржах прислало в район тысячу заключенных, и английский заказ через полтора месяца был выполнен. В следующем году ситуация с лесозаготовками повторилась. «Колхозное знамя» снова било в набат. Предлагали

посылать лучших колхозников на ликвидацию прорыва в лесу, ругательски ругали сельсоветы и колхозы, не уделяющие внимания лесозаготовкам, требовали пробудить сельсоветы от «оппортунистической спячки», повысить качество обедов в лесных столовых... Три женщины колхоза «Свободный труд» одного из сельсоветов объявили себя ударницами и написали в газету, что борются за повышение производительности труда. «Лесозаготовки – это новая для нас работа, но мы не испугались трудностей и по-ударному принялись за дело. В результате наша выработка в среднем по заготовке от 2,5 до 3 плотных кубометров⁸⁹. Мы выходим на работу в 7 час. 30 мин. утра и приходим с работы последними, не раньше пяти часов вечера; работаем попарно, третий человек обрубаёт сучья, вырабатываем норму хлеба по 800 гр. В Международный женский день мы рапортуем высокой производительностью труда, уплотнением рабочего дня и объявляем себя ударницами лесного фронта, мы закрепляемся на пункте до конца лесозаготовок, после чего сразу переключаемся на весенний сев и перенесем боевые темпы труда на колхозные поля». Три кубометра леса за буханку черного хлеба...⁹⁰

Вытегорам, начиная с конца двадцатых годов, постоянно приходилось воевать на каком-нибудь из множества трудовых фронтов, или на нескольких сразу, или принимать участие в самых различных кампаниях по сбору средств – то колхозники должны бороться за упитанность коня в преддверии весеннего сева, то охотникам по-ударному нужно провести декадник по сдаче государству пушнины⁹¹, то немедленно поставить кинорабoту в районе на высшую ступень и руководить ей по-большевистски⁹², то оживить работу сельских судов, то увеличить жителям города и уезда самообложение, то принять участие в социалистическом соревновании по выполнению финансового плана, который нужно не только выполнить, но и перевыполнить, то во время стахановской декады по-ударному вывозить навоз на поля, то подписаться на государственный заем, то просто сдать деньги, а их приходилось сдавать по самым разным поводам, то собирали на постройку эскадрильи самолетов по пятьдесят рублей, то отчисляли по рублю каждый месяц на приобретение технической и политической книги, то на постройку подводной лодки... Со сбором денег на постройку подводной лодки получился и вовсе анекдот. «Колхозное знамя» писало в феврале тридцать второго года: «Общественный суд Девятинского сельсовета объявил общественное порицание и оштрафовал на 3 руб. в пользу постройки подводной лодки А.Н. Белова (17 лет), за то, что последний подчистил купон №3 займа индустриализации и сдал его ученикам, собиравшим на постройку подводной лодки, получив с них два рубля сдачи».

Теперь о местной промышленности. Не бог весть какая промышленность появилась в тридцатые годы в городе и районе, но, во-первых, не всем же строить металлургические комбинаты и автомобильные заводы, а во-вторых – и это на самом деле во-первых, – она появилась, а не пришла в упадок и не разорилась из-за того, что в Китае все то же самое можно купить дешевле и с большой скидкой. Так вот, в тридцатом году в Вытегре заработал вновь построенный рыбозавод с ледниками для хранения выловленной рыбы и печами для ее сушки. Через четыре года в городе построили промкомбинат. Производил он все то, что производили тогда провинциальные промкомбинаты – кирпич-сырец, кирпич обожженный, сани, простую мебель, грабли, лопаты, корзины, стройдетали...

В тридцать третьем у вытегорцев появился аэродром и началась перевозка почты и пассажиров на самолетах У-2 по маршруту Вытегра – Вознесенье – Подпорожье – Лодейное Поле – Ленинград. Пассажиры на У-2 больше двух не перевезешь, но называться пассажирскими рейсы уже могли, хотя регулярными они еще не были. Летное поле располагалось в семи километрах от города в деревне Палозера на берегу одноименного озера. Собственно, поверхность озера и была летным полем. В деревне жили техники, обслуживавшие самолет, и пилот. Летом самолеты приводнялись, а зимой садились на лед Палозера. Через год построили настоящее летное поле с грунтовой взлетно-посадочной полосой в Вытегре, и Северным управлением воздушных путей был открыт регулярный рейс Вытегра – Ленинград. Забегая вперед скажем, что еще через четыре года начались регулярные рейсы из Вытегры в Лодейное поле, а еще через год в Вознесенье. Летали все на тех же У-2.

В тридцать четвертом создали артель «Трудовик», выпускавшую те же грабли, лопаты, корзины, а к ним метлы и дровни. Кроме того, артель принимала индивидуальные заказы и от учреждений на изготовление мебели, пошив и ремонт одежды и обуви. Одним из учреждений был городской театр, для актеров которого артель шила сценические костюмы. В артели «Трудовик» почти с самого ее основания работал Иван Михайлович Горячий. Хорошо работал, добросовестно. В тридцать шестом году по рекомендации председателя артели его назначили заведующим смоло-дегтярного завода. К тому времени оборудование завода было изношено до предела, и Горячий неоднократно просил и требовал у руководства артели остановить завод на ремонт. Завод на ремонт не остановили, но на Ивана Михайловича Горячего первого августа тридцать седьмого года в вытегорский райотдел НКВД поступило четыре доноса, слово в слово друг друга повторявших. Приведем только один из них, некоего гражданина Анухина, который писал, что гражданин Горячий «на протяжении ряда лет занимался контрреволюционной деятельностью, направленной на развал завода. Для проведения систематической работы сколотил группу из четырех человек, которая вела агитацию против мероприятий партии и правительства». Пятого августа Горячего и еще трех человек из его вымышленной группы арестовали. Следствие длилось две недели. Свидетель Анухин на допросе показал, что «Горячий организовал группу из четырех человек. Эта группа была настроена против Советской власти, были недовольны колхозным строем. Они вели агитацию среди рабочих в общежитии, говоря “ни хлеба в брюхо, ни платья на себя”». Горячий виновным себя не признал, но вытегорские следователи и не нуждались в его признании. Через две недели всех четверых отправили в Ленинград, и восьмого сентября тройка приговорила их к расстрелу.

Потом всех четверых реабилитировали, но потом, через пятьдесят шесть лет⁹³.

Перейдем к делам хозяйственным, бытовым. В буднях великих строек с обеспечением населения товарами народного потребления в тихой Вытегре и районе дело обстояло не так хорошо, как хотелось бы. Правду говоря, дело обстояло из рук вон плохо. Для иллюстрации приведем несколько заметок только из одного номера «Колхозного знамени» за апрель тридцать шестого года.

Редакция газеты с большевистской прямотой критикует Райпотребсоюз: «В самом деле можно ли говорить о достижениях, когда убытки по всей системе Райпотребкооперации за 1935 год выразились в сумме 37 тысяч рублей. Когда и сейчас еще в магазинах не имеется обязательного ассортимента товаров. Когда хищения и растраты в системе были обыденными явлениями. <...> Нужно очистить ряды работников потребкооперации от жуликов, воров и проходимцев и с большевистской настойчивостью взяться за организацию культурной торговли».

К мнению редакции присоединяется директор вытегорского отделения Госбанка Никитин: «Мы, товарищи, пережили недостаток продуктов и товаров. Прошло то время, когда наши магазины занимались распределением. Теперь кооператорам надо учитывать спрос потребителя. Посмотрим, как мы перестроились. Конфет подушечек и макарон мы имеем на год, маргарина имеем на шесть месяцев. Зато совершенно не имеем чайной посуды, щипцов для колки сахара, кнопок и много продуктов и товаров из обязательного ассортимента. Много говорили и писали о плохом качестве хлеба в городе. Но хлеб по-прежнему не печется, а варится».

Ему вторит педагог Сидорова: «<...> после объявления свободной торговли снабжение учебными пособиями от РОНО перешло к кооперациям и здесь мы имеем ряд недостатков. Не хватает в лавках, например, тетрадей, совершенно нет красных чернил, картона, рисовальных тетрадей и бумаги. Почему бы в наших магазинах не иметь специальные отделы детских вещей, как это есть в больших городах. Парочку слов о дошкольниках. Я на днях хотела купить ребенку игрушку, но не могла найти подходящую, их у нас очень мало. Надо нашему советскому ребенку дать хорошую советскую игрушку».

Врач Вытегорской амбулатории Казанский просит улучшить условия работы продавцов: «Как врач, не могу обойти следующее: зимой можно было наблюдать, как продавцы теряли половину своего рабочего времени на согревание своих рук, предохранение их от отморожения – так было

холодно в магазинах. <...> Никуда не годится и то, что продавец берет одной и той же рукой конфеты, мыло, сахар, селедку <...>».

В тридцать девятом прекратились службы в Воскресенском соборе, и само здание передали в ведомство водников, которое устроило там дом культуры. Дому культуры не нужны были ни колокольня, ни купола, и потому колокольню разобрали, а колокола сняли. Теперь в этом здании с облупившейся штукатуркой помещается бюджетное (и это видно невооруженным глазом) учреждение культуры с названием «Центр культуры “Вытегра”», а на одной из стен, как и полагается в таких случаях, висит табличка, сообщающая прохожим о том, что это объект культурного наследия регионального значения, подлежащий государственной охране. На другой стене висит огромная водонепроницаемая фотография собора, сделанная в те поры, когда он еще был собором и стоял на Воскресенском проспекте, а не на проспекте Ленина, как сейчас.

Перед тем как перейти к рассказу о жизни Вытегры и района времен Великой отечественной войны, скажем несколько слов о Марининской водной системе, которая и при Советской власти работать не переставала ни на один день. В восемнадцатом году речники через нее провели дивизион миноносцев Балтийского флота для участия в боевых действиях на подступах к Казани и в других операциях на Волге и Каме. В тридцать втором году был разработан комплексный план реконструкции всей системы, предполагавший создание водного пути параллельно действующей. По проекту предусматривались шлюзовые камеры для больших современных судов, четырнадцать новых гидроузлов с двумя рядами шлюзов для встречного движения и строительство четырех небольших гидроэлектростанций. Только объем земляных работ должен был составить восемьдесят миллионов кубометров. К подготовке строительства приступили в сороковом году. Приказом НКВД СССР от одиннадцатого октября сорокового года предусматривалось организация четырех управлений ИТЛ на территории Вологодской области. Одним из этих управлений должен был стать Вытегорстрой, которому поручалось сооружение системы каналов и шлюзов на участке Волго-Балта от Онежского озера до истока реки Шексны из Белого озера. Должен был, но не стал, так как началась война. Правда, заключенных с канала имени Москвы и с законсервированного строительства Куйбышевского гидроузла завезти успели, и к моменту его ликвидации в конце июня сорок первого Вытегорлаг насчитывал около тридцати пяти тысяч заключенных. То есть указ о его ликвидации был подписан в конце июня, а вывезли заключенных только в сентябре, когда фронт подошел к границам района. Вывезли не всех потому, что среди них было много больных и ослабленных. В конце июля подразделения Вытегорлага реорганизовали в лесозаготовительные, а когда фронт приблизился, перебрали на выполнение работ по военно-полевому строительству.

Последние предвоенные месяцы Вытегра прихорашивалась – горсовет в мае выделил пятнадцать тысяч рублей на приведение в порядок городских садов и бульваров. Планировали расчистить клумбы, поставить новые заборы, расширить танцевальную площадку, в сквере имени Кирова посадить цветы, на бульваре Профсоюзов отремонтировать беседку, изготовить диваны и скамейки. В городских садах решили оборудовать буфеты, тир, качели и гигантские шаги. Подбирали место для устройства городского пляжа, а на нем купален. Райпищекombинат должен был открыть два ларька для продажи браги, фруктовых вод и кондитерских изделий. Все это планировалось сделать к началу июня. Вообще-то райпищекombинат планировал открыть девять ларьков, в которых должны были кроме браги и фруктовых вод торговать квасом и мороженым, но не построил, а в тех, что построил, фруктовые воды бывали далеко не всегда, как сообщал корреспондент местной газеты. В городском парткабинете для партийного актива в конце мая читали лекцию на тему «Партия большевиков в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства», в кинотеатре с пятнадцатого мая шел фильм «Валерий Чкалов», а с десятого июня «Иудушка Головлев», жители города писали жалобы на грубость персонала общественной бани горкомхоза, который закрывает кассу раньше времени, в доме культуры первого июня показывали комедию «Кто смеется последним», в середине июня ждали прибытия в город плавучей культбазы Леноблсовета, работники которой должны были прочесть лекции и доклады

по международному положению, естественно-научным вопросам и санпросветработе. Драматический театр на борту культбазы вез спектакли по пьесам Горького, Корнейчука, Чехова и Пристли. Кроме того, несколько концертов обещался дать ансамбль эстрады и миниатюр областной филармонии, который тоже собирались привезти на культбазу. И еще. Вытегорский горкомхоз сообщал своим абонентам, что с первого июня по первое августа подача электроэнергии по городской электросети прекращается.

Уже на второй день войны были сформированы и отправлены по назначению первые части, колонны техники и обозы с фуражом. Пятого июля начальник Вытегорского гарнизона Михайлов издал приказ по гарнизону города Вытегры, в котором расписывалось, как будут оповещать вытегорцев о воздушной тревоге, что нужно делать гражданам, организациям во время налетов вражеской авиации и когда применять светомаскировку. Через пять дней был издан приказ по местной противовоздушной обороне города и района. Были запрещены все гудки заводов и пароходов, кроме сигналов о воздушной тревоге. Тогда же, в июле, были созданы истребительные батальоны, в которые вошли все, кто мог носить оружие, поскольку большая часть военнообязанных уже ушла на фронт. На случай эвакуации райком сформировал группы для действий в немецком тылу. В районе, в лесах создавались базы с оружием и продовольствием для партизан. «Колхозное знамя» публиковало материалы о том, как по силуэтам различать немецкие самолеты. Это было очень своевременно, поскольку в первую военную осень немецкая авиация господствовала в воздухе. Вытегорский аэродром был не приспособлен для военных самолетов, а военный аэродром в селе Девятины, рядом с Вытегрой, вошел в строй только в сорок третьем. На первых порах город защищала только зенитная батарея, размещенная во дворе одной из школ, и зенитные орудия, установленные на судах Онежской военной флотилии, стоявших по берегам Вытегры от устья канала до города в специально выкопанных земснарядными лагунах. Малые морские охотники, бронекатера и торпедные катера стояли в постоянной боевой готовности, кормой в берег, чтобы по сигналу тревоги уйти в бой.

Фронт быстро приближался к Вытегре – немецкие войска вместе с финскими продвигались по территории между озерами Ладожским и Онежским по направлению к реке Свирь. Обстановка становилась все более напряженной и, как писал в своих воспоминаниях Юрий Михайлович Федотов, живший в то время в Вытегре, по городу поползли слухи об эвакуации, которая якобы уже началась, и повестки принесли в первую очередь людям неблагонадежным с точки зрения советской власти, то есть тем, кто до семнадцатого года жил хорошо, а заодно и старой интеллигенции, которой доверяли ничуть не больше, чем первой категории граждан.

Эвакуации так и не случилось, но ближе к концу лета город наводнился беженцами, которые не столько приходили, сколько приплывали на баржах по Онежскому озеру, по Мариинской водной системе с вещами, курами и даже козами. Баржи с беженцами шли сначала из Ленинграда, потом, по мере наступления немцев и отступления наших войск, из Лодейного поля, из Подпорожья, Петрозаводска, Сортавалы и окрестностей этих городов. В подавляющем большинстве своем беженцы ехали в глубь страны, но некоторые смогли остаться в Вытегре, где им удалось снять комнаты. Ближе к осени в городе появились первые воинские части, направлявшиеся в сторону Ленинградского и Карельского фронтов.

Враг подходил все ближе. Со стороны Онежского озера линия фронта проходила от Вытегры всего в пятнадцать километрах. Население оповещали о налетах тогда, когда немецкие самолеты уже обстреливали и бомбили город. Оповестить раньше было никак невозможно – полтора десятка километров вражеские самолеты пролетали буквально за пару минут. Первого октября Вытегра приказом начальника гарнизона была объявлена на военном положении. Через неделю наши войска оставили поселок Вознесенье в устье впадающей в Онежское озеро реки Свирь, в двадцати километрах севернее села Ошта⁹⁴. Для строительства оборонительного рубежа на линии Вознесенье – Девятины был спешно создан «Оборонстрой» на базе законсервированного проекта по прокладке Волго-Балта. На строительство укреплений мобилизовали не только всех трудоспособных жителей Вытегры и района, но и население большинства близлежащих районов

Вологодской области. За исключением тех, кто трудился на строительстве укреплений от зари до зари, все остальные приходили туда после работы и в выходные дни. В общей сложности было занято около четырех тысяч человек.

К концу октября наступление немецких и финских войск было остановлено, но Ошту противник все же оккупировал. Дальше продвинуться им помешал сильно укрепленный оштинский оборонительный рубеж. Уже подготовленные к эвакуации предприятия города и района, учреждения и колхозы остались и стали выпускать оборонную продукцию. Белоручейский леспромхоз, расположенный в поселках Белый Ручей и Депо, выпускал авиасосну, авиаберезу⁹⁶, ружейные болванки, шпалы и лыжный кряж. Все это, как говорится, по прямой специальности, а вот осколочные мины к 82-мм минометам пришлось выпускать совсем не по специальности. Это сказать просто – пришлось выпускать, но леспромхоз совсем не оружейный завод – нужен литейный цех, нужна огнеупорная глина, формовочный песок, нужны формовщики, литейщики, слесари, токари, а токарям нужны токарные станки, нужно помещение для снаряжения мин взрывчаткой... Как бы там ни было, а через два месяца после того, как командование 7-й отдельной армии, части которой защищали оштинские рубежи, попросило помочь с боеприпасами, в середине декабря сорок первого бюро Вологодского обкома уже утверждает план по выпуску мин – четыре тысячи штук в месяц, а при увеличении количества токарных станков – до двенадцати тысяч. К третьему кварталу выпускали уже пятнадцать тысяч мин. Только за первый год войны оборонной продукции город и район выпустили на четверть миллиона рублей.

Фронту нужны были не только боеприпасы, но и продукты. Фактически нужно было обеспечить продовольствием части 272-й стрелковой дивизии, а потом и заменившей ее 368-й стрелковой дивизии и Оштинский истребительный батальон, противостоявшие немцам и финнам в нескольких десятках километров от Вытегры. Всего истребительных батальонов было четыре – кроме Оштинского на территории современного Вытегорского района сформировали Андомский, Вытегорский и Ковжинский батальоны. Последние два батальона еще и охраняли Мариинскую систему. На обеспечении вытегоров было два госпиталя – стационарный и эвакуационный, части ПВО, два авиаполка, тылы 7-й армии, управление связи... Хлебный паек был невелик, да и его часто выдавали мукой и даже зерном, поскольку печеным хлебом обеспечивали только госпитали и военные части.

Обеспечивать продовольствием и гражданское население города и района, и воинские части должны были колхозы. Должны при том, что на оккупированных немцами и финнами землях района выращивалось около сорока процентов зерновых, около половины технических культур, поголовья крупного рогатого скота и шестьдесят процентов свиней. Должны при том, что брони колхозникам не полагалось, и потому большая часть мужского населения ушла воевать, а из оставшихся около семидесяти процентов занимали женщины, а двадцать подростки. Должны при том, что тракторами и прочей сельской механизацией вытегорские колхозы были, мягко говоря, не избалованы, при том, что часть поголовья лошадей, и без того небольшого, забрали на нужды фронта, при том, что и оставшихся лошадей кормить было подчас нечем, и приходилось просить районный земельный отдел выделить дополнительный паек лошадям, чтобы довести их хотя бы до средней упитанности, иначе пахать на них сложно, если не сказать невозможно.

При таком бедственном положении с лошадьми, не говоря о тракторах, о которых и мечтать нельзя было⁹⁷, приходилось пахать, боронить, возить грузы на коровах и быках⁹⁸. Быков и коров тоже нужно было кормить, а сверх того обучить пахоте и другим лошадиным работам. Быки и коровы обучались медленно, можно сказать из-под палки, хотя из-под палки как раз и было строжайшим образом запрещено. За жестокое обращение с рабочим скотом могли не только оштрафовать, но и в тюрьму посадить. В апреле сорок пятого года, как пишет газета, рабочая подсобного хозяйства Белоручейского мехлесопункта Логинова «зверски колом избил быка за то только, что тот не пожелал в угодую своему вознице бежать рысью или, может, не имел к этому

способностей». Как ее наказали, неизвестно, но доподлинно известно, что дело на Логинову было передано в суд для привлечения ее к уголовной ответственности.

Во время посевных и уборочных работ выходили в поле рано утром – никак не позже шести утра. За опоздание, тем более за невыход на работу, плохую работу, допущенный падеж скота штрафовали⁹⁹ – могли вычесть до пяти трудодней. Обязательный минимум для взрослого в год – сто трудодней, для подростка – пятьдесят. Не выработавших обязательный минимум могли исключить из сельхозартели, лишить приусадебного участка и наказать исправительными работами сроком до полугода. Председатели и бригадиры, не наказавшие тех, кто не выработал норму, несли уголовную ответственность.

После уплаты всех обязательств перед государством по сдаче зерна, овощей, мяса, молока, шерсти, яиц и рыбы¹⁰⁰, по трудодням распределяли оставшиеся продукты. К примеру, в сорок третьем году зерна в колхозе «Путь Ленина» на трудодень выдавали почти полтора килограмма, в совхозе «Земледелец» около четырехсот граммов, а в совхозе «Красная Нива» ровно тридцать. Сказать, что не доедали и голодали, значит не сказать ничего. В феврале сорок второго на производственном совещании в колхозе «Красная звезда» представитель райкома партии сказал: «Есть факты употребления в питание соломы, что крайне неверно, нужно это употребление сократить, потому что от этого среди колхозников случаются заболевания и этим самым можно сорвать посевную кампанию». О том, чтобы сорвать посевную кампанию, сенокос и жатву, и думать было нельзя. В протоколе заседания колхоза «Победитель» в июне сорок третьего года записано: «выделить на время сенокоса и поднятия паров на общий обед по 150 гр. крупы и литра молока на 1 человека».

Нельзя сказать, что в таких условиях колхозникам удавалось собирать высокие урожаи или получать высокие надои от вечно голодных коров. Урожайность в Вологодской области и до войны была низкой, а в военные годы никак не выше семи центнеров ржи с гектара. Что касается надоев, то они были, мягко говоря, невысокими – от пятисот до девятисот литров молока в год. Теперь столько молока можно от козы получить. Еще красноречивее цифры яйценоскости кур – от тридцати пяти штук в год в колхозе «Путь Ленина» до десяти штук в колхозе «Земледелец», то есть реже, чем по одному яйцу в месяц.

Осенью сорок второго года созрел урожай озимой ржи буквально на линии фронта – в районе оштинского рубежа обороны. Сеяли рожь тогда, когда оштинские колхозы еще находились в тылу. Частично урожай убрали солдаты тех частей, которые там стояли, а большую часть убрали мобилизованные колхозники и горожане. Жали серпами. Некоторые мобилизованные девушки впервые видели серп и учились жать, как говорится, на ходу. Расстояние от поля до линии фронта было иногда шестьсот метров, иногда пятьсот, а иногда и триста. Порой был такой сильный минометный огонь, что приходилось прерываться, но как только он прекращался – снова выходили на уборку.

Весь Вытегорский район был сплошной прифронтовой полосой. От авианалетов не была застрахована ни одна деревня. Жительница деревни Синяково Александра Исакова вспоминала: «У нас в деревнях на высотках стояли деревянные вышки. На них дежурили девчонки – пулеметчицы. Отслеживали вражеские самолеты, в основном финские. Финны регулярно облетали территорию, и летали так низко, что мы, дети, видели их лица. Было очень страшно! Мы даже знали время, в которое прилетали самолеты, и старались спрятаться. Обычно “финн” налетал, когда у нас заканчивались уроки, и все ребята после школы бежали враспынную кто куда <...>. Зимой 43-го года наши деревни стали часто бомбить <...>. Я помню, что мать, будучи “с животом” (беременна), боронила землю, а я бежала побыстрее из школы, чтобы помочь ей вести лошадь».

Уже осенью сорок первого года по городу и району начался сбор теплых вещей и обуви для бойцов и командиров Красной Армии. Для этого были организованы специальные комиссии, куда граждане несли полушубки, шапки-ушанки, валенки, свитера, выделанные и невыделанные овчины, теплые белье, шерсть на валенки. Корреспондент «Колхозного знамени» второго ноября сорок первого года сообщает из района: «Палтогские комсомольцы активно участвуют в сборе

теплых вещей и подарков для бойцов героической Красной Армии. Комсомолка Шишова В.В. на днях сдала в комиссию две пары портянок, перчатки, два полотенца, флакон одеколона и несколько штук яиц. Комсомолец Гадов П.В. принес шапку-ушанку, шерстяные перчатки, флакон одеколона, Журкин В.И. – теплые носки и выделанную овчину, Зайцовский – три овчины, рукавицы, носовой платок и кисет, Сепсяков И.В. – теплую рубашку. <...>».

В декабре стали собирать новогодние посылки фронтовикам, в которых была махорка, папиросы, сухари, бумага для писем, конверты и карандаши. К первому мая сорок второго года жители Вытегры отправили «бойцам фронта четыре тысячи булочек, семнадцать килограммов сливочного масла, блокноты, бумагу, карандаши, спички, носки, носовые платки, кисеты и другие подарки». В мае сорок второго года Первая начальная школа города Вытегры послала в одну из школ освобожденного от немецкой оккупации Тихвинского района «проекторный фонарь, картины по естествознанию и истории, орфографические таблицы, 236 карандашей, пятьдесят перьев и другие учебные пособия. Мало того, дети принесли четыре пары белья, сарафанчики, штаники и другую детскую одежду, всего пятнадцать вещей»¹⁰¹. В сентябре сорок третьего Вытегорский район собрал в подарок детям Ленинграда тонну картофеля и восемьсот килограммов овощей.

Маленькая полугодолная Вытегра и ее район помогали фронту не только булочками¹⁰², осколочными минами, теплыми вещами, махоркой и сливочным маслом. За годы войны вытегорцы внесли в фонд обороны около одиннадцати миллионов рублей денег и на два с лишним миллиона рублей облигаций. Ежемесячно отчисляли в фонд обороны свой однодневный заработок работники Вытегорской пристани, служащие Госбанка, районной сберкассы, конторы связи, редакции «Колхозного знамени» и других организаций. Приведем лишь некоторые сообщения вытегорской газеты военных лет о сборе денежных средств на нужды обороны:

«Оживленно проходило собрание членов колхоза “Коминтерн” Сперовского сельсовета, посвященное обсуждению призыва колхозников сельхозартели “Завет Ильича” Палтогского сельсовета о сборе средств на постройку танка “Колхозник”. Этот призыв встретил горячий отклик в среде коминтерновцев. На постройку танка тут же на собрании поступило 521 рубль наличными деньгами, кроме того, каждый колхозник отчислил пять трудодней, что в денежном выражении составит 2140 рублей. Первыми внесли деньги престарелые колхозники Субботин В.Н. и Чуфырев И.Я., сыновья которых сражаются на фронтах отечественной войны. Не отстали от них и другие члены колхоза. – Пусть танк, построенный на наши деньги, – заявляют колхозники, – всей своей громадной мощью уничтожает фашистских зверей».

«Успешно проходит сбор средств на постройку самолета “Юный истребитель” в Вытегорской неполной средней школе. <...> Ученица 7-го класса Масалова Валера внесла 18 рублей, Бискупская Дося и Зоя Горская по 5 рублей и по 110 рублей облигациями, Родионова Нина – 11 рублей, Колосков Вова – 10 рублей и облигациями 50 рублей. <...> За несколько дней на постройку самолета собрано по школе 872 рубля деньгами и на 3425 рублей облигаций. Поступление средств продолжается».

«На призыв вождя народов товарища Сталина объединить все наши силы и средства для полного разгрома гитлеризма коллектив Белоручейского мехлесопункта, как и весь советский народ, отвечает практическими делами. На проходивших общих собраниях работники лесопункта решили провести сбор средств на постройку танка “Лесоруб” и сразу же организовали его. На 10 декабря поступило наличными 3055 рублей и облигациями госзаймов 14345 рублей. В сборе средств приняло участие 170 человек. <...> Уборщица леспродторга красноармейка Агеева Л.П. внесла 50 рублей деньгами и на 50 рублей облигациями».

«Отвечая на вызов домохозяйки т. Теровской А.А., подписываюсь на Военный Заем 1942 года на 500 рублей. Я твердо уверена, что наши средства помогут заколотить в гроб проклятых немецко-фашистских оккупантов. Домохозяйка Морозова Дарья Алексеевна».

«Единодушно откликаясь на призыв любимого Сталина в его приказе от 25 января, колхозники и колхозницы сельхозартели “Парижская коммуна” Коштутского сельсовета активно участвуют в сборе средств на строительство боевых самолетов в подарок героическому Ленинграду. За

один день ими внесено на это патриотическое дело 1000 рублей наличными деньгами и облигаций на сумму 410 рублей. 60-летняя колхозница Ермакова Т., сын и дочь у которой мужественно сражались на фронтах отечественной войны, внесла 100 рублей. Такую же сумму внесла жена фронтовика Власкова и другие. Поступление средств продолжается».

Если из военной жизни прифронтовой Вытегры вычсть сборы теплых вещей для бойцов Красной Армии, средств на постройку танков и самолетов, заготовку лекарственных трав, грибов и ягод, похоронки, отправку посылок с продуктами и вещами на фронт, помощь Ленинграду, похоронки, мобилизацию на строительство укреплений, бесконечные субботники, воскресники, похоронки, декадни и месячники по выходу из прорывов то на лесоразработках, то на посевах, то на уборке урожая, уход за ранеными и стирку белья в городских госпиталях, похоронки... останется не так много, но это оставшееся можно назвать мирной жизнью. Если судить об этой мирной жизни по заметкам в районной газете, то в сорок первом... лучше начать с сорок второго, с январского сообщения о том, что парикмахерская вытегорской разнопромартели выполнила план сорок первого года почти на двести процентов; требуются портные по пошиву мужской и женской одежды, сапожные мастера, женщины-ученики в сапожную мастерскую в возрасте от пятнадцати лет и старше и чистильщик сапог.

В список сорок второго года внесем приезд в конце июля Вологодского совхозно-колхозного театра, на спектаклях которого был аншлаги. Ставили «Позднюю любовь» Островского, «В боях за родину», «Партизаны в степях Украины» Корнейчука и другие пьесы. В августе открыта шапочная мастерская разнопромартели, принимающая заказы от военных и гражданских лиц. В октябре прошла районная сельхозвыставка, на которой колхоз «Красный путиловец» представил свиноматку «Валька», давшую за один опорос тринадцать деловых поросят. Правда, газета пишет, что в городском Доме культуры кроме безыдейных танцев нет ничего – не работают драматические кружки, не читают лекций, развалились струнный и духовой оркестры, а директор Гордынина «не проявляет нужной деятельности и является ничем иным, как некоторым платным прибавлением к осиротевшему помещению».

В сорок третьем при Вытегорской пристани организовали курсы без отрыва от производства, на которых готовили помощников капитанов, механиков, кочегаров, рулевых, мотористов и старшин мотокатеров, а с отрывом от производства – шкиперов. Мы бы, может, и не стали бы об этом упоминать, если бы в объявлении не было сказано, что наряду с юношами принимаются на курсы и девушки от шестнадцати лет и старше. Судя по тому, что вытегорской разнопромартели в январе сорок третьего требовались мастера по кружевоплетению, вязанию, изготовлению чулок, гребней и расчесок, жизнь если и не налаживалась, то все же... В ноябре «силами самодеятельного коллектива рабочих и служащих Вытегорского технического участка и военизированной охраны в Доме культуры дан концерт. <...> С большим интересом смотрели зрители танец «Кабардинка» в исполнении Прыткиной и цыганский танец, исполненный Сафоновой. Хорошо исполнены частушки на темы дня Порожской и Тихоновой. <...> Полезнейшую инициативу путейцев надо широко подхватить и развивать. В нашем городе есть много талантливых певцов, декламаторов, музыкантов, танцоров. Их надо выявить, организовать. Этим делом, не откладывая в долгий ящик, обязаны заняться Дом культуры, профсоюзные и комсомольские организации».

В начале января сорок четвертого «весело, организованно прошла новогодняя елка у детей рабочих и служащих Вытегорского леспромхоза, организованная дирекцией леспромхоза и месткомом союза леса и сплава. Присутствовало девяносто детей, среди них пятнадцать гостей из детского приемника», состоялся районный смотр художественной самодеятельности, на котором коллективом Девятинских мастерских был разыгран скетч «Партизан», хор Анхимовской избы-читальни исполнил русские народные песни «На недельке два денечка», «Ревела буря», «При лужке» и другие, работники Вытегорской пристани сыграли скетч «Астра и георгины», а сводный хор работников детских садов с запевалой Раисой Ивановой был так хорош, что на его фоне хор Анхимовской избы-читальни... Тогда же, в январе, двести с лишним учеников районных неполных средних школ приезжали культпоходом в Вытегру на просмотр картины «Концерт фронту».

В феврале в Вытегре прошел межрайонный смотр художественной самодеятельности. В начале июня один из магазинов Вытегры объявил, что производит прием от населения молодой крапивы, щавеля, хрена и клюквы по ценам прейскуранта. Тем, кто сдаст все это, магазин отоварит промтоварные карточки и на сумму сданного отпустит товары широкого потребления. В начале июля провели воскресник по благоустройству города, в котором приняло участие более ста пятидесяти горожан. «Организовано вышли члены артели “Трудовик”, сотрудники райисполкома, райпотребсоюза, техучастка, рыбзавода, заготзерно и МТС». В декабре райпромкомбинат выпустил большую партию детских глиняных игрушек.

И еще. В «Колхозном знамени» об этом не писали, но в июле сорок четвертого на территории современного Вытегорского района были созданы две временных комендатуры – Белоручейская в поселке Белый ручей и Ковжинская в поселке Анненский мост. Туда прибывали спецпоселенцы с Северного Кавказа. К работе на лесозаготовках они совершенно не были готовы – не имели ни теплой одежды, ни опыта работы на лесоповале. Леспромхозы ни предоставлять им теплую одежду, ни обучать не собирались. Нет выполнения нормы – нет питания. В суровом климате начались болезни, дистрофия и, как следствие, большая смертность. Спецпоселенцы стали красть продукты, скот у местного населения и массово убегать. В конце концов отдел спецпоселений НКВД принял решение всех оставшихся в живых спецпоселенцев (их было около семисот) отправить в Казахстан. Белоручейская комендатура без работы не осталась – в сорок пятом году в нее прибыло около двух тысяч советских немцев, вывезенных в годы Великой Отечественной войны в Австрию, Германию, Польшу и Чехословакию. Все они в соответствии с директивой НКВД подлежали направлению на спецпоселение под надзор органов.

В апреле сорок пятого артель инвалидов «Трудовик» стала принимать заказы на изготовление трикотажных изделий – джемперов, косянок, чулок и носков из сырья заказчиков, в конце июля почтальону Вытегорской конторы связи Якову Ивановичу Сидорову по итогам социалистического соревнования по профессиям присвоили звание лучшего почтальона Вологодской области и выписали премию в размере месячного оклада. Якову Ивановичу, перевыполнявшему из месяца в месяц план доходов на триста процентов, выдали новый форменный костюм. Тогда же прошло районное совещание родителей, посвященное подготовке к новому учебному году, на котором секретарь райкома прочел доклад «О подготовке школ к новому учебному году и задач родителей». В октябре открылась первая в Вытегре выставка индивидуальных огородников, на которой демонстрировался выращенный огородником Аристаровым огурец длиной четверть метра и весом восемьсот граммов, морковь весом четыреста граммов, а отдельные клубни картофеля, выращенные огородником Щербаковым, весили четыреста граммов. В ноябре команда парохода «Корба», перевыполнившему план буксировки чуть более чем в полтора раза, присуждено управлением пути первое место и переходящее Красное Знамя бассейна. В том году большим успехом пользовалась постановка пьесы «Где-то в Москве», подготовленная драмкружком Вытегорской пристани. Агитбригада «направленная райкомом ВКП(б) для культобслуживания лесорубов Белоручейского мехлесопункта, поставила четыре концерта на лесозаготовках. Перед началом концерта ставился доклад на тему “Ленин и Сталин о дисциплине труда”». Демобилизованный лесоруб Петухов после обсуждения доклада товарища Молотова, посвященного двадцать восьмой годовщине Великой Октябрьской Революции, встал на стахановскую вахту и вместо четырех кубометров древесины по норме нарубал каждый день одиннадцать. Как же его за это ненавидели товарищи... Ну и конечно проходили смотры художественной самодеятельности. С середины декабря начинался смотр низовых коллективов, а через месяц начинался районный смотр, которому тогда придавали такое большое значение, что подготовку к нему обсуждали даже на пленуме райкома партии.

Война вытегорцев не пощадила. Из более чем семнадцати тысяч ушедших на фронт не вернулось семь с половиной. Было стерто с земли тридцать пять деревень. Артиллерией немцев и финнов было разрушено более тысячи ста зданий. От Ошты осталась только чудом уцелевшая колокольня, а в районе Оштинского рубежа обороны ждали разминирования сто двадцать семь

минных полей, на которых было установлено около ста тысяч мин. Разминирование начали уже в июле сорок четвертого – как только в результате наступления фронт отодвинулся на запад. Сформировали саперный батальон, состоящий большей частью из мобилизованных девушек-комсомолок, которым райисполком разослал повестки. Юношей по понятным причинам было мало. Среди тех, кого послали заниматься разминированием, были дети раскулаченных и репрессированных, были и круглые сироты. Старше двадцати не было почти никого, а вот семнадцатилетние и даже шестнадцатилетние были. Предусмотрительные советские власти на всякий случай перед отъездом в Ошту отобрали у всех паспорта. Десять дней в полевом лагере под Оштой их учили саперному делу. Тех, кто сдал экзамен на отлично, назначили командирами отделений. До глубокой осени, пока поля не засыпало снегом, полугодовалые, плохо обутые, а иногда и вовсе разутые, обезвреживали они советские, финские и немецкие противотанковые и противопехотные мины на минных полях, которые зачастую не были обозначены ни на каких картах. Снимали взрыватели с проржавевших мин, которые нужно было подрывать на месте, но... командиры сэкономили бикфордов шнур. Девушки выносили взрыватели с обезвреженных мин в подолах своих платьев, а юноши в карманах пиджаков и гимнастерок¹⁰³. В общей сложности обезвредили около ста двадцати тысяч взрывоопасных предметов. Всего на разминировании, которое длилось три года, работало сто пятьдесят шесть человек. Тринадцать из них погибло, пятьдесят было ранено. Некоторые на всю жизнь остались инвалидами. Шестнадцать наиболее отличившихся минеров представили к орденам Красной Звезды и медалям «За боевые заслуги». Тех, кто обезвредил несколько сот мин, наградили значками «Отличный минер». Правда, тех, кто был ранен, много лет не признавали инвалидами войны. Получали они мизерные пенсии инвалидов по труду. Писали бывшие минеры письма в Верховный Совет СССР и лично Горбачеву с просьбой предоставить им льготы как участникам войны, а им отвечали, что их работа не была связана с боевыми действиями, и потому относятся они к труженикам тыла. Потом все же признали инвалидами войны тех, кто смог до этого признания дожить.

Первые послевоенные годы в Вытегорском районе мало чем отличались от военных. Точно так же голодали¹⁰⁴, пахали на коровах, на них же вывозили на поля навоз и золу – практически единственные удобрения из доступных крестьянам. Председатели колхозов почти повсеместно женщины. В рыболовецких колхозах рыбаки тоже женщины. Оплата труда везде натуральная, налоги государства тоже брало зерном, молоком, шерстью, яйцами. Сами колхозы, которых на территории района в сорок девятом году помещалось чуть больше двухсот, были не то что мелкими, а крошечными – могли иметь земли от трех до пяти гектаров и в каждом до десяти дворов. К примеру, в колхозе «Трудовая радость» было пять гектаров пашни, три коровы, три лошади, шесть овец, а сам председатель совмещал должности бригадира, кладовщика и конюха. Какая уж тут механизация... Она началась лишь после того, как стали по решению ЦК ВКП(б) в пятидесятых годах укрупнять колхозы. В пятьдесят третьем их стало в три с лишним раза меньше, а в пятьдесят девятом осталось всего двадцать три. К тому же в пятидесятых годах в состав Вытегорского района вошли Оштинский, Андомский и Ковжинский районы. Тогда и были построены в колхозе «Новая жизнь» первые в районе теплицы для снабжения свежими огурцами жителей Вытегры. Не бог весть какое событие, но ведь и Вытегорский район не Кубань и не Астраханская область, где огурцы растут без всяких теплиц даже в тех местах, где их не сажают. К семидесятому году объединение колхозов завершилось и в районе осталось семь колхозов и четыре совхоза. В шестьдесят четвертом организовали совхоз «Вытегорский», занимавшийся откормкой скота, и птицефабрику на шестьдесят тысяч кур в селе Девятины... Впрочем, все это материи скучные, такие же, как и строительство завода сборных железобетонных плит, телятника на три с лишним сотни голов, разведение высокоудойных коров айрширской породы, завезенных из Карелии и Подмосковья. Это с одной стороны, а с другой... Как вспомнишь десяток яиц от курицы в год и надой в семьсот литров, не говоря о семи центнерах ржи с гектара...

Вообще мирная сытая жизнь, как правило, бывает скучной, если исключить полеты в космос, перекрытие Енисея и спектакли в Большом театре. Тем более, что Вытегорском районе и в Выте-

гре в конце сороковых и начале пятидесятых была просто не очень голодная жизнь, в которой ни Енисея, ни Большого театра, а только возобновление полетов гражданской авиации из Вытегры в Ленинград в сорок седьмом, матч на первенство по футболу спортивного общества «Водник» в сорок девятом году между командами Вытегры и Череповца, в котором вытегорцы победили; только строительство новой семилетней школы, первые телевизоры в шестидесятом, первый асфальт в шестьдесят первом на центральной улице города – проспекте Ленина и на дороге, соединяющей центр города с первым шлюзом; открытие нового, широкоэкранный кинотеатра в шестьдесят четвертом году, в котором показывали венгерский фильм «Наследство казначея Стамбула».

В начале шестидесятых начались пассажирские авиаперелеты из Вытегры в Вологду, Ленинград, Петрозаводск, Вознесенье, Белозерск и Череповец с грунтового аэродрома «Белый Ручей», расположенного в двадцати километрах от Вытегры в селе Деятины. Туда, кроме вездесущих «кукурузников», прилетали даже пассажирские ИЛ-14, летевище из Вологды в Ленинград с промежуточной посадкой в Вытегре. До Вологды можно было долететь за сорок минут, а до Ленинграда часа за полтора. АН-2 летал из Вытегры в Вологду и обратно каждый день. Правда, стоил билет не так уж и дешево по тем временам и тем зарплатам – девять рублей.

В шестьдесят шестом открыли мебельный цех деревообрабатывающего завода, прачечную комбината бытового обслуживания, кафе, вечернее отделение филиала Ленинградского речного училища, в мае шестьдесят седьмого начал курсировать первый пассажирский теплоход «Комета» из Вытегры в Петрозаводск и обратно. В шестьдесят восьмом сдали в эксплуатацию новую гостиницу, которую назвали «Вытегра», а через год открыли универсам и магазин «Книжный мир»...

Все же было в Вытегре свое перекрытие Енисея – строительство Волго-Балта. Оно началось после вынужденного перерыва в сорок восьмом году. Первого сентября сорок седьмого Совет Министров принимает постановление о возобновлении работ. Думали к пятьдесят третьему году завершить строительство, в эксплуатацию канал ввести в пятьдесят четвертом. Строить канал должен был, как и планировалось до войны, спецконтингент. К ноябрю сорок восьмого на строительство уже прибыли три с половиной тысячи заключенных. Как это обычно бывает у организаций, больше озабоченных охраной, чем строительством, специалистов среди этих рабочих было крайне мало. Впрочем, были и специалисты – пленные немцы, работавшие топографами, чертежниками, прорабами и инженерами производственно-технического отдела. Руководил стройкой то генерал-майор Шамарин, то майор Тунчик, то капитан Кузнецов, но стройка двигалась медленно. Конечно, зима сорок девятого выдалась суровой, техники не хватало, но зима в этих краях не бывает суровой почти никогда, а техники не хватало, не хватает и будет не хватать.

В июле пятидесятого началась выемка грунта из котлованов шлюзов и углубление дна на участке между Онежским озером и первым шлюзом. Через семь месяцев правительство, медленное медленными темпами строительства, требует от министерства внутренних дел, в ведомстве которого находился ГУЛАГ, отчет о ходе работ. Конечно же, министерство, пересыпав свой отчет тысячами выкопанных кубометров и миллионами освоенных рублей, все объяснило, сославшись на нехватку экскаваторов, которые поставщиками отгружены, но министерство речного флота все никак их не отправит. Потом, когда стройку обеспечили экскаваторами, скреперами, бульдозерами, тракторами и самосвалами, стало не хватать трансформатора мощностью двадцать тысяч киловатт. Чтобы ускорить земляные работы, на стройку вместе с десятками самосвалов послали... пятьсот лошадей, чтобы вывозить выкопанный грунт.

В пятьдесят втором закончились все работы на строительстве Волго-Дона, и освободившаяся техника и люди были отправлены на Волго-Балт. Люди отправлены потому, что в массе своей это были заключенные. Среди них и те, кого освободили досрочно в награду за ударный труд, но... освободить-то их освободили, и тут же предписали работать на строительстве Волго-Балта вольнонаемными. К началу пятьдесят третьего года на строительстве уже работало шестьдесят тысяч человек, половина из которых была заключенными и... тут случилось пятое марта пятьдесят третьего года. В конце марта Берия пишет письмо в Президиум Совета министров об изменении строительной программы на текущий год и предлагает прекратить строительство ряда

объектов «вследствие того, что эти стройки требуют расхода значительного количества металла, строительных и других технических материалов, оборудования, а также рабочей силы». Третьим в списке объектов был Волго-Балт.

Вторая консервация продлилась с апреля пятьдесят третьего по январь пятьдесят пятого¹⁰⁵. Седьмого января создается управление Волгобалтстрой и начинается расконсервация, а вместе с ней и новая чехарда по смене начальников стройучастков, главных инженеров и прорабов. В пятьдесят шестом начальник Волгобалтстроя пишет в главк объяснительную записку, в которой жалуется на... суровую зиму, на сорокоградусные морозы, из-за которых заключенных¹⁰⁶ не выводили на работы, на дождливое лето, на простой транспорта из-за распутицы, на дополнительные расходы на борьбу с оползнями, на ремонт дорог, на устаревшие проекты... Через год старого начальника сменил новый.

Не будем описывать все подробности новой реорганизации, борьбы за качество, темпы укладки бетона и, наконец, круглосуточную работу десятков механизмов и тысяч людей летом шестидесятого года, а скажем только, что во второй половине октября река Вытегра была перекрыта в двух местах. Это означало, что десять шлюзов старой Мариинской системы перестали работать и весной навсегда будут затоплены. Отступить некуда. Навигация шестьдесят первого года или пройдет через новые шлюзы или не пройдет вовсе. И тут... снова меняют начальника Волгобалтстроя, и как всегда новый начальник в погонах. Началась новая реорганизация, которая... Бог с ней, с реорганизацией. Как бы там ни было, а семнадцатого мая шестьдесят первого года в пять часов вечера было проведено пробное шлюзование, а через четыре дня состоялось официальное открытие навигации, и по новому каналу в направлении Онежского озера прошел первый караван таких судов, которые раньше могли доходить только до причалов Вытегры. Секретарь Вытегорского райкома разрезал алую ленточку, и вслед за катером с начальством и строителями прошли через Первый шлюз пассажирский теплоход «Волхов» и грузотеплоход «Луза».

Если быть до конца точным, то придется сказать, что весной шестьдесят первого сдали в эксплуатацию только первый и второй шлюзы, и со стороны Ленинграда крупные суда дальше Вытегры все равно не прошли бы, поскольку за ней еще оставались старые деревянные шлюзы. Предстояло построить еще четыре новых шлюза только на Вытегорском участке и один под Череповцом, чтобы ввести в эксплуатацию весь Волго-Балт, но разрезать ленточку и официально открыть навигацию это никак не мешало.

Второго ноября шестьдесят третьего года официально закрыли навигацию по Мариинской водной системе, верой и правдой прослужившей полтора века. Газета «Строитель Волго-Балта» на следующий день вышла с заголовком «Ура! Вытегра перекрыта! Это самый лучший подарок строителей празднику Октября! Мариинская система больше не существует!». На митинге, посвященном перекрытию Вытегры, начальник Волгобалтстроя Хмельницкий поблагодарил строителей, которые в ноябре шестьдесят третьего работали уже в счет следующего года (тогда так можно было) и сказал: «Мы идем в ногу с космонавтами – в день перекрытия Шексны начала свое космическое путешествие Валентина Терешкова, а сегодня пришла весть о запуске нового космического корабля».

Через год правительственная комиссия подписала акт о приемке Волго-Балта в эксплуатацию. Теперь то, что раньше было Вторым округом министерства путей сообщения, называется Вытегорским районом гидросооружений и судоходства, в котором работает пятьсот человек инженеров, механиков, электромехаников, сварщиков, трактористов, капитанов буксиров, их помощников, матросов, судовых поваров, не считая самих буксиров, плавучих кранов, земснарядов, тракторов, бульдозеров и прочей техники. Находится контора Вытегорского района гидросооружений и судоходства там же, где находилась контора Второго округа министерства путей сообщения – в доме купца первой гильдии Козьмы Матвеевича Галашевского.

Вернемся в Вытегру шестидесятых. В шестьдесят восьмом стали строить новую больницу на сто с лишним коек, в семьдесят первом торжественно открыли среднюю школу, а через год в городе установили телевизионный ретранслятор. Это событие повлияло на жизнь вытегорцев

куда больше, чем открытие книжного магазина, гостиницы или даже универмага. В семьдесят третьем заложили парк в честь двухсотлетия Вытегры. В восемьдесят третьем году забетонировали наконец летное поле аэродрома в Вытегре, и аэропорт стал принимать не только самолеты АН-2, но и ЯК-40. Открылись регулярные ежедневные рейсы в Вологду, Ленинград, Череповец и Белозерск¹⁰⁷.

В восемьдесят шестом году Вытегорский район собрал самое большое за всю свою историю количество зерна, вывез более двух миллионов кубометров древесины, увеличил надои, поголовье скота и... началась перестройка. Стали как грибы после дождя расти кооперативы, в девяностом году открылся коммерческий банк, в девяносто втором с Санкт-Петербургской конторой, проектировавшей газопровод до Петрозаводска, подписали протокол намерений о проектировании ответвления на Вытегру¹⁰⁸. Читатель уже ждет рассказа о том, как все развалилось и разорилось, как все скупили за бесценок вездесущие москвичи, но... в первой половине девяностых в районе построили пивоваренный завод, колбасные цехи в Вытегре и в районе, четыре асфальтобетонных завода, лесопильный завод с сушилкой, мини-завод по производству древесного угля, детскую поликлинику, терапевтический корпус районной больницы, исхитрились обменять сорок мебельных стенок вытегорского производства на пять вагонов цемента, четыре вагона шифера и построить шестнадцать тысяч квадратных метров жилья, начали строить пищекомбинат, новый корпус рыбозавода, очистные сооружения в Вытегре, хлебозавод... Бог его знает как получилось, что очистных сооружений в городе до сих пор так и не появилось, а рыбозавод, работавший еще с довоенных времен, приказал долго жить. Вместе с мебельной фабрикой и маслозаводом, который неудачно приватизировали и разорили. То есть известно, что работники Онежского рыбозавода, приватизировав свое предприятие, установили себе такие высокие зарплаты, что за два года проели свой рыбозавод вместе со всеми рыбными консервами, которые он производил, но все равно обидно. С мебельной фабрикой вышла такая же история. Что же касается лесоперерабатывающих предприятий, то они все, кроме одного – ЗАО «Белый Ручей», к концу девяностых обанкротились и попали в руки... москвичей и вологжан. «Белый ручей» и сейчас живет всех живых, но... завелись в вытегорских лесах еще и китайцы, построившие завод по производству ламината, а уж им-то москвичи и вологжане по части вездесущести в подметки не годятся¹⁰⁹. Теперь, когда Европа у нас лес напрямую покупать не хочет может...

Где-то между всеми этими стройками, приватизациями, банкротствами и норвячками все прибрать к рукам москвичами и вологжанами поместилось открытие в девяносто первом году литературно-художественного музея, посвященного Николаю Клюеву. К счастью, его ни приватизировать, ни обанкротить, ни продать москвичам с вологжанами нельзя¹¹⁰.

В восьмом году прекратились регулярные рейсы из вытегорского аэропорта, а через два года его закрыли. Простоял он без дела шесть лет, но в августе шестнадцатого года, когда его вновь открыли после реконструкции, он был уже выведен из реестра гражданских аэродромов и передан в ведение Арктического спасательного учебно-научного центра «Вытегра» МЧС России. Теперь через него будут перебрасывать спасателей в арктическую зону для тренировок и доставки различных грузов. Кроме того, на аэродроме базируется санитарная авиация МЧС России, которая несет постоянное боевое дежурство. Жаль, конечно, пассажирских рейсов в Ленинград и Вологду, но постоянное боевое дежурство санитарной авиации... Нет там никакого дежурства, как утверждают местные жители.

В восемнадцатом году город получил пятьдесят пять миллионов рублей на устройство набережной реки Вытегры в черте города. Не просто так получил, а выиграл грант на создание комфортной городской среды по проекту городского архитектора Бориса Васильевича Маевского. В двадцатом году выделили еще сто восемьдесят миллионов и... нет, никто не украл ни денег, ни материалов. Все сделали, как и задумывал Борис Васильевич, который, увы, не дождался окончания работ. Набережная получилась чудо как хороша – с красивыми мостиками, беседками, реконструированным шлюзом, который можно самому открывать и закрывать, если конечно хватит сил, фонтаном и, как задумал Маевский, напоминает ту, которая была в девятнадцатом веке,

когда по Вытегре без усталости шли груженные суда в направлении Онежского озера, когда ворота шлюзов то открывались, то закрывались, когда играл духовой оркестр... Нет только бечевника и шумных ватаг путинных, нет трактира, в котором они пропивали заработанное, и не пахнет несвежей треской, чей запах так не нравился Федору Сологубу.

Если по воде, то до Онежского озера от Вытегры рукой подать – двадцать пять километров. По нынешним временам меньше часа пути – сначала по реке Вытегра, а потом по каналу, бетонные коробки шлюза которого находятся в черте города. Лучше, однако, сесть в машину и на единственном в городе перекрестке со светофором повернуть на дорогу до Пудожа, проехать по ней километров двадцать и снова повернуть налево, по направлению к Онежскому озеру. Минут через сорок, не больше, приедете вы на берег озера, к месту, которое называется гора Андома. Собственно, это и не гора вовсе, а высокий, около ста метров, обрыв. Если строго по науке, то геологический разрез девонских отложений, которому четыреста с лишним миллионов лет. Там, в толще земли под ногами, в слоях разноцветных песчаников, в глине и мергеле, лежат окаменелые остатки хвощей, папоротников, ракоскорпионов и хищных панцирных рыб с роговыми пластинами вместо зубов. Смотришь с края обрыва на Онежское озеро, слушаешь его шум, больше похожий на шум моря, тонкий свист ветра и чувствуешь себя человеком каменного века, который не один год шел сюда через дремучие леса, топкие болота и наконец дошел до края земли. Озеро еще никак не называется. Ты еще придумываешь названия ему и горе, на которой стоишь и поеживаешься от холодного ветра. Тебе еще предстоит научиться ловить лосося, сига, налима, ряпушку, судака и огромных зубастых щук, пока плавающих в озере безымянными, охотиться на медведей, волков и рысей, обитающих в здешних лесах, рыть им ямы, втыкать в них острые колья, ставить силки на глухарей, лебедей и тетеревов; придумать богов озера, леса, огня и грома, задабривать их, а в свободное от рыбалки и охоты время выбивать кварцевым зубилом на гранитных валунах изображения животных, рыб, сидящих в лодках людей, солнца, луны... но ты не он, а обычный горожанин, который взял отпуск на неделю и приехал сюда из какой-нибудь Москвы, или Ярославля, или Петербурга, чтобы посмотреть на красивый вид, открывающийся с горы, приготовить на мангале заранее замаринованные куриные крылья, съесть их, запить сухим вином, еще раз посмотреть на красивый вид, поежиться от холодного ветра, вздохнуть и уехать, оставив на другом, чуть виднеющемся в дымке берегу, дальние страны, населенные людьми с песьими головами, с глазами на груди, единорогами, фениксами, белыми муравьями и гигантскими саблезубыми стрекозами с крыльями лазоревого цвета; уехать, оглядываясь на озеро, которое пристально смотрит на тебя всеми рыбами, чайками, береговыми ласточками, облаками и желтыми звездами, затаившимися на дне бездонных и полных тихого ужаса омутов... Хорошо еще, что отсюда нельзя улететь, чтобы уже через час или полтора приземлиться в Москве, или Ярославле, или Петербурге, а завтра выйти на работу. Хорошо, что придется еще часа четыре ехать на машине до Вологды по дороге, идущей между заболоченными лесами и полями, седыми от растрепанных ветром головок отцветшей пушицы, там остановиться, зайти в придорожную гостиницу пообедать, сказать себе «провались оно все пропадом» и к судаку в сливочном соусе заказать рюмку или даже две водки, чтобы с чистой совестью остаться там же ночевать, а наутро встать чуть свет и ехать к недовольному начальству, растворимому кофе «три в одном» из автомата в буфете, к бумаге, застрявшей в принтере, к сосискам и сублимированному картофельному пюре на обед.

Примечания

⁶⁵В краеведческом музее Вытегры хранится под стеклом пожелтевший и потрепанный по краям выходной билет ученика третьего класса вытегорского реального училища Никифора Егорова, выданный ему в 1914 году. От билета сохранилось всего две страницы – первая и последняя. На первой написано, что предьявитель сего билета Никифор Егоров состоит учеником третьего класса Вытегорского реального училища. В удостоверение чего и выдан ему сей билет сроком от нижеписанно-

го числа по 3 сентября 1915 уч. года, за надлежащею подписью и с приложением казенной печати. На последней о том, что ученикам средних учебных заведений воспрещается выступать исполнителями на летних дачных сценах. Через четыре года отменяет и билеты, и запрещение выступать, и реальные училища. Летних дачных сцен тоже не останется.

⁶⁶В восемнадцатом году Михаил Соломонович Хаулин числился у новой власти в списке из числа правых эсеров, буржуазии и офицерства. По этому списку и попал он в вытегорскую городскую тюрьму в качестве заложника. Советская власть держала парикмахера Хаулина вместе с другими арестантами как гаранта отсутствия попыток выступлений против самой себя.

⁶⁷К сожалению, отчеты о сыгранных Народным театром «Трех сестрах» или «Живом труп» до нас не дошли, но в Олонецких губернских ведомостях за 1909 год обнаружился рассказ о постановке вытегорскими «любителями драматического искусства» оперетты «Гейша или необыкновенное происшествие в одной японской чайной»: «Перед изумленными зрителями предстала типичная японская чайная с обворожительными гейшами в роскошных и дорогих костюмах. Роль Мимозы Сак – главной гейши в чайной “Десять тысяч радостей” мило исполнила г-жа В.И. Игенборг. А.И. Немцова в роли Молли Зеамор – молодой англичанки, пожелавшей вдруг превратиться в очаровательную гейшу “Ролли – Полли” была неподражаема: миловидная наружность, сильный симпатичный голос, большой сценический талант и опыт выдвинули г-жу Немцову на первый план. Г. Немцова далеко не дюжинная любительница – она артистка в полном смысле этого слова. Симпатично звучал также голос А.И. Немцова, исполнявшего роль Реджинальда Ферфакса – лейтенанта английского корабля “Черепаша”. Прелестный голос и у М.В. Ивановой – Джульетты, прельстившей своими чарами маркиза Имари, губернатора японской провинции и начальника полиции. У М.В. Ивановой приятный голос, и она умело им владеет. Неподражаем был г. Успенский. Роль Вунчи – китаяца содержателя японской чайной г. Успенский исполнил с таким талантом и знанием сценического искусства, что ему вполне мог бы позавидовать любой артист – комик большой сцены. Многочисленная публика осталась очень довольная и заявление, что пьеса будет повторена, встречено шумными аплодисментами».

⁶⁸Конечно, маскарады можно отнести к культурной жизни города с некоторой натяжкой, но мы говорим о культурной жизни маленького уездного городка, а не столичного города, и потому не станем пренебрегать и маскарадами. Скажем о них хотя бы в примечаниях. Вот что писали в январе 1909 года губернские ведомости о маскарадах, начинавшихся, как только открывалась Рождественская ярмарка: «С открытия ярмарки начались у нас и Рождественские маскарады, устраиваемые местными собраниями: общественным и коммерческим. На этих маскарадах за лучшие костюмы выдавались призы, состоявшие из золотых и серебряных вещей. На маскарады охотно стекалась публика и число проданных входных билетов в иные дни доходило до 600. Для получения приза у нас далеко недостаточно появиться в оригинальном и красивом костюме, но, как показал опыт, необходимо еще иметь известный круг друзей и знакомых, которые отдадут “маске” не только свои контрамарки, но и в свою очередь стараются достать таковые еще и от других. Второго января некая группа “итальянцев” имела дерзость внести в зал закованного в кандалы арестанта, которого сопровождал конвой в форменном платье при оружии. Конвой этот успел несколько раз посадить арестанта в особый черный ящик, именуемый тюрьмой, где арестант пел: «Солнце всходит и заходит...»* и другие песни. Картина эта произвела отталкивающее впечатление на публику. К чести распорядителей, эту группу быстро, при помощи полиции, выдворили».

*Песня волжских босяков, записанная Горьким. Из пьесы «Дне».

⁶⁹Обычному читателю это вряд ли будет интересно, но для буквоедов приведем ведомость о числе периодических изданий, выписанных в Вытегре в 1900 г.: «Вестник Европы, Вестник иностранной литературы, Вестник всемирной истории, Ведомости справок о судимости, Вестник судебной медицины и общей гигиены, Военный сборник, Досуг и дело, Детское чтение, Детский отдых, Деревня, Ежемесячные сочинения, Жизнь, Журнал для всех, Журнал министерства народного образования, Женское дело, Зодчий, Исторический вестник, Игрушечка, Крестьянское хозяйство, Коннозаводство, Медицинский журнал, Миссионерское обозрение, Музыка и пение, Нувеллист, Пчеловодный листок, Пожарное дело, Родник, Русское Богатство, Русское пчеловодство, Русская

мысль, Русская старина, Спасание на водах, Современная медицина и гигиена, Семья, Трудовая мощь, Фельдшер, Читатель народной школы, Чтение для солдат, Христианское чтение, Олонецкие епархиальные ведомости, Будильник, Воскресный день, Воскресенье, Восход, Вестник финансов и промышленности, Вокруг света, Вестник министерства путей сообщения, Вестник мод, Вестник общественной ветеринарии, Ежедневная практическая медицина, Живописное обозрение, Задушевное слово, Инкери (Финская газета), Известия книжного магазина Вольф, Известия министерства земледелия и государственных имуществ, Клинический журнал, Край, Кормчий, Лесопромышленный вестник, Летопись русской хирургии и хирургия, Московский листок, Медицинское обозрение, Модный курьер, Народное здравие, Неделя, Новый мир, Нива, Осколк, Право, Природа и люди, Пастырский собеседник, Развлечение, Ребус, Родина, Разведчик, Русский паломник, Руководство для сельских пастырей, С.-Петербург, Спутник здоровья, Сельский вестник, Сенатские ведомости, Сенатские ведомости с решениями кассационного департамента, Стрекоза, Церковные ведомости, Церковный вестник, Юный читатель, Фармацевтический вестник, Гражданин, Олонецкие губернские ведомости, Биржевые ведомости, Курьер Варшавский, Новое время, Новости, Петербургская газета, Петербургский листок, Правительственный вестник, Петербургские ведомости, Петербургский герольд, Россия, Русский инвалид, Свет, Сын отечества, Северный край, Торгово-промышленная газета, Уральская жизнь». Чаще всего вытегоры выписывали газету «Биржевые ведомости», вслед за ней шли журналы «Нива», «Родина» и «Сын отечества», газеты «Олонецкие епархиальные ведомости» и «Церковные ведомости»... и так до самого конца списка, на котором находился музыкальный нотный ежемесячный журнал для фортепиано «Нувеллист».

⁷⁰Не загромождая повествование подробностями сельскохозяйственной жизни уезда, все же в примечаниях скажем, что уездный агроном в своем докладе Вытегорскому уездному собранию писал о том, что скотину крестьяне держат большей частью для того, чтобы иметь навоз для удобрений. Такое скотоводство он назвал «навозным». Что касается обработки земли, то и здесь... «Орудием боронования служит в большинстве случаев борона, построенная из 9-10 связанных в одной плоскости деревянных сучковатых плах, причем сучья играют роль зубьев». В двадцатом-то веке... Правда, «В Вытегорской волости, – как сообщает агроном, – граничащей с землями г. Вытегры, местами крестьяне начинают применять бороны с деревянной рамой и железными зубьями, позаимствовав таковую вероятно от земледельцев-горожан, но в запяжке тянут ее не по диагонали, как бы следовало, а параллельно рядам зубьев, почему борона оставляет только 9 борозд вместо 45». Какая тут параллель... Ее здесь лучше не проводить. Тут диагональ нужна.

⁷¹Известия Вытегорского Совета крестьянских и рабочих депутатов писали по этому поводу: «Исполком постановил отправить в указанные волости своих делегатов для разъяснения населению, насколько подобный образ действий осложняет крайне тяжелую работу снабжения населения хлебом. В заседании 12 апреля избран комиссаром по продовольствию Аристаров И.Е. взамен Борькина Н.Ф. Переизбрание состоялось в связи с обнаруженной кражей 10 мешков пшеничной муки из кладовых у Продовольственного Отдела. Расследование совершенной кражи поручено уголовной следственной Комиссии».

⁷²Редакция, понимая, что открывает ящик Пандоры, и обращаясь к читателям с просьбой писать в газету, все же сочла нужным предупредить своих будущих корреспондентов: «Внимание! Товарищи! Присылаемый для печатания материал должен быть написан ясным почерком на одной стороне чистого листа. Поменьше многоглаголения. Давайте факты! Пространные заключения перегружают нашу газетку и сделают ее скучной. Работайте над каждой строчкой. И еще – сносная проза лучше плохих стихов».

⁷³Клюев принял живейшее участие в вечере, посвященном памяти Карла Маркса, который прошел в Вытегре в середине мая. Репортаж об этом вечере в Вытегорских Известиях лучше не пересказывать своими словами, а процитировать: «Память Карла Маркса, основателя коммунистической партии, Вытегорский Комитет РКП(б) отметил устройством 12 сего мая трудового вечера коммунистов-большевиков. На вечере выступил – первый раз у нас в городе – т. Н. Клюев, наш близкий-родной поэт-коммунист, певец перезвонов сосен милой Олонии <...>. В вступительном слове т. С. Ручьев рассказал биографию К. Маркса, т. И. Ваксберг познакомил присутствующих с коммуниз-

мом, т. М. Мехнецов в горячей речи сказал о том, что “царствие коммунизма придет и царствию его не будет конца”, а т. Н. Клюев, встреченный громом аплодисментов, произнес “малое слово от уст брата-большевика” – “На пороге счастья и Вечности”. В 3-м отделении Вытегоры первыми увидели полную глубоких символов революционную пьесу т. Н. Клюева “Красную Пасху” <...>. Пьеса заканчивается торжественным пением рабочих “Христос Воскресе из мертвых!” <...> С этой песней радости народной Пасхи разошлись по домам те, кто искал, но не нашел на трудовом вечере большевиков того, о чем часто приходится слышать на всех углах и закоулках в слетнях про большевиков-коммунистов <...>».

⁷⁴Фамилии укрывателей и списки того, что конфисковали красногвардейцы, публиковали в газете. Они будут интересны не только буквоедам, но и обычным читателям. «4-го апреля отрядом красной гвардии произведены обыски с целью обнаружения укрытых товаров. У гражданки гор. Вытегры Марии Суриной по окончании обыска реквизированы следующие товары: 26 фунтов чая и табаку махорки 5 фунтов. У гражданина гор. Вытегры Александра Дмитриевича Мартюгова: чаю 16 фунтов, 4 ящика махорки и 20 фунтов сахара. 6-го апреля красной гвардией произведен обыск у гражданина гор. Вытегры Николая Петровича Морозова. Реквизированы следующие товары: чаю 74 $\frac{3}{8}$ фунта, папирос «Ева» по 10 шт. – 98 коробок, папирос «Кумир» по 20 шт. – 8 коробок, табаку «Хадис» – 10 $\frac{1}{2}$ фунтов, гильз по 250 шт. – 10 коробок, по 100 шт. – 2 коробки, мыла «Жукова» 34 фунта, махорки – 7 $\frac{1}{8}$ фунта, и цикории – 54 фунта. 9-го апреля отрядом красной гвардии произведен обыск у гражданина гор. Вытегры Алексея Ивановича Максимихина, реквизированы следующие товары: сахара 2 пуда 19 фунтов, чаю 3 пуда 35 фунтов, табаку махорки 1 пуд 22 $\frac{3}{4}$ фунта, масла коровьего 2 пуда 25 фунтов, рису 1 пуд 4 $\frac{1}{2}$ фунта, кофе 11 $\frac{1}{2}$ фунта, свечей стеариновых 4 пуда 23 фунта, мыла желтого 6 пудов 3 фунта, мыла серого и желтого 29 фунтов, конфет 4 пуда 10 фунтов, монпансье 31 фунт, постного сахара 15 $\frac{1}{2}$ фунтов, цикории 5 фунтов, картофельной муки 20 фунтов, ржаной муки 4 мешка, пшеницы 45 пудов, крупчатки 2 пуда, первача 2 пуда, пшеничной муки 3 мешка и ржи 17 пудов. На основании постановления Исполкома Совдепа товары сданы в Уездную Управу, укрыватели рассчитаны по таксе, существующей в Губернской Продовольственной Управе, а Мартюгов и Сурина рассчитаны: чай 10 рублей за фунт, сахар по 1 р. 60 к. за фунт, табак по стоимости бандероли».

⁷⁵В воспоминаниях Матвеева о дальнейшей судьбе Оленева написано: «Оленев скрылся, за ним организовали погоню, но поздно. Он добрался до Палтоги* и отсиделся в стоге сена. Копну сена шупали штыками, но не наткнулись на него. Какой-то крестьянин довел его до ж/д станции Токари**».

*Деревня Палтогский перевоз в двадцати километрах от Вытегры.

**Железнодорожная станция на территории посёлка Токари Подпорожского района Ленинградской области в ста семидесяти километрах от Палтогского перевоза.

⁷⁶«Как милости вашей будет угодно, – отвечал на все согласный Селифан, – коли высесть, то и высесть; я ничуть не прочь от того. Почему ж не посесть, коли за дело, на то воля господская. Оно нужно посесть, потому что мужик балуется, порядок нужно наблюдать. Коли за дело, то и посеки; почему ж не посесть?» Н.В. Гоголь. Мертвые души. Часть первая.

⁷⁷В мемуарах Александра Матвеева можно прочесть о том, что в восемнадцатом году в Вытегре проживало довольно много бывших офицеров царской армии, с семнадцатого года существовала организация «Комитет спасения Родины и революции», никак не симпатизировавшая Советской власти, а совсем наоборот. Отделение «Союза русского народа», созданное еще до февральской революции, на Луну не улетело вместе со всеми своими членами, а осталось в городе. Исполком Совдепа что ни день получал анонимные письма с угрозами. Матвеев приводит выдержку из такого письма «<...> предупреждаю вас, что готовится покушение на советскую власть. Под руками у них пять пулеметов, сотни бомб, динамит. В их среду прошли три английских офицера – шпиона-специалиста. Исход для вас один самый лучший – выезжайте из Вытегры в полном составе, куда найдете удобным, здесь смерть. Спасайтесь! Спасайте себя для революции от монархистов. Торопитесь. Доброжелатель».

⁷⁸Для тех, у кого рецептов от врача не было, газета публиковала рецепт чая из моркови, который «вполне заменит китайский чай и прекрасный по вкусу готовится простым домашним спо-

собом. Надо взять пять фунтов сырой моркови, хорошенько ее вымыть, некрупно нарезать, повернуть через машинку-мясорубку, затем положить на противень или лист, поставить в печь после хлеба, или в духовку, продержав там несколько часов, чтобы морковь хорошо засохла; после чего надо ее вынуть и затем на второй день снова поставить в жаркую, только что выметенную печь на противне или жестяном листе и держать до тех пор, пока морковь зажарится докрасна, т. е. чтобы она зарумянилась, но не подгорела бы, отчего теряет вкус. Тогда получится полфунта чаю вполне годного для питья».

⁷⁹Питательному пункту даже стихи посвящали. «Здравствуй, милая сестрица, шлю привет не из столицы, а из Вытегры суровой, где занялся жизнью новой; начал кое-что писать и в газетку помещать. Здесь голодных очень мало, да и сытых небывало; расскажу тебе подряд, как живет рабочий брат. Вот узнал я тут недавно, что народ живет исправно, поминутно хлеб жуют, вечно песенки поют, бабы сплетнями живут и к “святой” крупчатке ждут. Есть питательный здесь пункт, хлеба в нем дают хоть фунт, но лишь только для того, кто с прислугою “тово”; тот, конечно, будет сыт, всем такой секрет открыт, стоит чаще походить, да интрижки поводить. Но обеда, чтоб добиться, весь желудок истомится, пока “барышня” придет, и твой чек не отберет. Коль свободен от труда, то сиди хоть до утра, об обеде помечтай, да газетку почитай. Если ты здоров и телом, то займись лучше делом: ножи, вилки и все ложки, перетри хотя немножко. Лишь прислуга без хлопот очень счастливо живет. Вот возьмем хоть Тоню, Машу и премиленькую Сашу; ведь они-то уж до страсти кушать любят очень сласти; за прилавочком сидят, очень ласково глядят по знакомству иль по праву, вас наделят не по праву, “лампасечку”* дадут, ни копейки не возьмут. Кто ж работает на кухне, те от голода опухли, еле ноженьки волочат, но о публике хлопчат, пусть уверится народ, что от этих де забот, потеряли свои силы и близки уже к могиле. И глядя на их печаль, станет их невольно жаль, им пайка ведь не дают, они песен не поют. Эх! Писать про всех прислуг, мне, сестра, ведь недосуг, да боюсь, чтоб не лишиться, с “лампасем” чайку напитокся. А.Н.»

*Лампасье – сорт леденцов. Искаж. от монпансье.

⁸⁰В тюрьме, которая тогда называлась исправительным домом, порядка было мало. Газета «Звезда Вытегры» писала в начале апреля девятнадцатого года: «Жалобы на порядки в Исправительном доме продолжают поступать. Выясняется их справедливость. Установлено, что заключенные без надзирателей разгуливают по городу. В недалеком будущем освещены будут и другие жалобы. Комиссия по ревизии Исправительного дома сделала доклад Исполкому и выяснила всю неприглядную картину. Исполком разрешил заведующему хозяйственной части Совдепа выдать ссуду 8000 руб. на некоторый ремонт в Исправительном доме».

⁸¹Из воспоминаний сотрудника Вытегорской ЧК Николая Вельева: «В деревне Кондуши проживал некий Фунтиков, работал в финчасти уездисполкома, но в то же время по политическим взглядам был ярый эсер. Вместе со своим братом, подогревая антисоветские настроения кулаков, готовил контрреволюционный мятеж, к нему были привлечены многие жители из Палтогской, Суландозерской и Мегорской волостей, которые прибыли к месту сбора в деревню Кондуши. Получив информацию об этом, вооруженные чекисты вместе с общественностью организовали патрулирование и засады на дорогах. Попытки партийно-советского актива предотвратить контрреволюционное выступление мирным путем были безуспешны. Тогда чекисты дали предупредительную очередь из пулемета вверх. Это отрезвляюще подействовало на восставших, многие разбежались, а активные участники и организаторы контрреволюции были арестованы и осуждены судом ревтрибунала». Видимо, не так просто обстояло дело с гражданином Фунтиковым.

⁸²Из экономии места приведем лишь два ответа редакции вытегорских «Известий» на присланные стихи: «Вытегра, Ив. С. Товарищ, стыдно воровать чужие мотивы. Оставим муаровые юбки, пудру, мороженое из сирени Игорям Северяниным. Революция может дать и другие мотивы». «Петрозаводск, Футуристу. Ваше стихотворение “Люблю лежать на тротуаре” не пойдет. В такую, как теперь, весеннюю распутицу нам кажется не особенно приятной перспектива лежать на тротуаре».

⁸³Честно говоря, стихи Клюева о Вытегре ничуть не комплиментарнее стихов Сологуба. Приведем два примера: первую строфу из стихотворения «Вытегра» и отрывок из стихотворения «Красный Орел»:

Глухомань северного, бревенчатого городишка,
 Где революция как именины у протопопа.
 Ряд обжорный и каланчи вышка.
 Ждут антихриста, сивушного потопа. <...>
 Здесь не верят в жизнь без участка,
 В смерть без кутьи и без протопопа.

Глухая Вытегра не слышит урагана,
 Сонливая, с сорочьим языком,
 Она от клеветы и глупых сплетен пьяна <...>

И это при том, что стихи Клюева, как новые, так и старые, в девятнадцатом году регулярно, чуть ли не каждую неделю печатались в «Звезде Вытегры». Тем не менее Клюев в конце этого года пишет редактору журнала «Артельное дело» Миролюбову в Петроград о своей жизни в Вытегре: «Молю Вас, как отца родного, потрудитесь ради великой скорби моей сообщить Есенину, что живу я, как у собаки в пасти, что рай мой осквернен и разрушен, что Сириин мой не спасся и на шестке, что от него осталось единое малое перышко. Все, все погибло. И сам я жду гибели неизбежной и беспесенной. Как зиму переживу, один Бог знает. Солома да вода, нет ни сапог, ни рубахи. На деньги в наших краях спички горелой не купишь. Деревня стала чирьем-недотрогой, завязла в деньгах по горло. Вы упоминаете про масло, но коровы давно съедены, молока иногда в целой деревне не найти младенцу в рожок... <...>. Ах, слеза моя, горелая, пропащая! Белогвардейцы в нескольких верстах от Пудожа. Страх смертный, что придут и повесят вниз головой и собаки обглодают лицо мне. <...> Приехал бы я в Москву, да проезд невозможен: нужно все «по служебным делам» – вот я и сижу на горелом месте и вою, как щенок шелудивый. И пропаду, как вошь под коростой, во славу Третьего Интернационала. <...> И пишу я мало. В месяц раз. Печатаюсь в крохотной уездной газетке. Присылаю Вам и прозу свою – думаю, не помеха будет то, что она была пропечатана в упомянутой газетке: никто этого не знает».

⁸⁵В основной экспозиции вытегорского краеведческого музея, посвященной первым годам Советской власти в Вытегре и уезде, почти ничего о Мехнецове нет, но в фондах есть билет Пятого Всероссийского Съезда Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов депутата Мехнецова, прибывшего из Вытегры, делегатский билет Петроградского Губернского Съезда Совета Крестьянских, Рабочих, Батрацких и Солдатских Депутатов с правом решающего голоса, мандат Народного Комиссариата по морским делам, в котором написано, что «Предъявитель сего есть действительно военный моряк Михаил Мехнецов, состоящий в должности политрука при I-ом флотском полуэкипаже г. Москвы. Что подписью и приложением печати удостоверяется». К этим мандатам прибавим несколько фотографий, четыре полуистлевших странички писем Михаила Николаевича эвакуированной семье из блокадного Ленинграда, в котором он погиб в сорок третьем году и напечатанные на машинке воспоминания его брата. Есть еще стихотворение Николая Клюева «Красный орел», посвященное первому председателю Вытегорского исполкома.

Еще меньше документов в фондах музея о первом комиссаре продовольствия – Иване Евсеевиче Аристарове – полторы странички автобиографии, свидетельство об окончании Оштинского двухклассного училища, удостоверение члена Вытегорского городского совета Четвертого созыва, бессрочное удостоверение личности и две фотографии. Каких-либо материалов, относящихся к первому вытегорскому военному комиссару Василию Матвеевичу Аганичину в местном краеведческом музее нет – ни пыльного комиссарского шлема, ни маузера, ни даже кобуры от него. Известно, что он, как и Мехнецов, пошел воевать с Юденичем осенью девятнадцатого года. Был ранен. Через три года его после ранения по состоянию здоровья перевели на хозяйственную работу в армии, а потом и вовсе демобилизовали. Поле демобилизации Василий Матвеевич работал председателем Карелторга, замнаркома снабжения, уполномоченным Наркомвнешторга СССР при СНК КАССР, уполномоченным комитета заготовок Совета Труда и Оборона по КАССР, инструктором в Карель-

ском обкоме партии, а в тридцать девятом стал заведовать партийным архивом Карельского обкома и заведовал им, пока не вышел на пенсию уже после войны. Михаил Николаевич Мехнецов после тяжелой контузии в боях с Юденичем, повлиявшей на слух, тоже перешел с партийно-советской работы на производство – работал механиком. Что касается Ивана Евсеевича Аристарова, то он от хозяйственной работы никуда и не уходил – после того как перестал быть вытегорским продовольственным комиссаром, работал в уездной потребкооперации, в госторговле, бухгалтером, старшим инспектором отдела снабжения Вытегорстроя, заведующим плановым отделом... На общей фотографии первого состава Вытегорского исполкома, сделанной в восемнадцатом году, комиссар продовольствия Аристаров стоит во втором ряду третьим справа, а вторым – военный комиссар Аганичин. В центре, за столом с бумагами и чернильницей, сидит, подняв по просьбе фотографа руку с карандашом, больше похожий на юношу, обдумывающего жите, чем на председателя исполкома, Михаил Николаевич Мехнецов.

⁸⁶В том же году в Вытегре установили памятник Ленину – один из первых в стране. Не то что бы в полный рост, с кепкой в руке и на броневику, а скромный, рассчитанный на двух или трех голубей, чугунный бюст на небольшом постаменте. В связи с этим событием Народный проспект, который еще раньше был Воскресенским, а некоторое время и вовсе проспектом Троцкого, переименовали в проспект Ленина. Возле него принимали в пионеры, устраивали митинги, обещали выполнить и перевыполнить. К девятиным годам голова Ильича здорово ответшала, и ее решили отдать на реставрацию. Отдали и... она благополучно куда-то пропала. То есть в официальном заключении реставраторов было написано, что голова реставрации не подлежит, но вернуть пусть и не подлежащую реставрации голову вождя мирового пролетариата, не удалось. Постамент местные коммунисты снести не дали, обшили его досками и несколько лет поклонялись обезглавленному постаменту. В пионеры возле такого памятника принимать уже было нельзя, но к тому времени и пионеров не осталось. К несчастью, в краеведческом музее оказалась копия пропавшей головы, и по ней, на деньги гранта, который смогли получить вытегорские коммунисты совместно с местными энтузиастами и администрацией города, отлили новую, теперь уже бронзовую голову, и установили ее в семнадцатом году.

В Вытегорском районе есть еще один памятник Ленину, которому столько же лет, сколько и городскому, чугунному. В год смерти Ленина пионеры села Макачево вместе с родителями под руководством своего учителя Петра Петровича Петрова и по его чертежу высадили десятки саженцев елей в форме букв, составляющих псевдоним лучшего друга пионеров. Вся посадка имела общую протяженность сто метров. Заодно и поставили в получившейся аллее бюст Ленина, который, кстати, до сих пор там стоит. Там и принимали в октябрята с пионерами, там жгли пионерские костры и перед лицом своих товарищей торжественно клялись любить родину, жить как завещал великий Ленин, как учит коммунистическая партия... В год столетия со дня рождения Ленина надпись дополнили цифрой сто, высадив ее кустами акации, а в год шестидесятой годовщины со дня смерти решили, по инициативе местного леспромхоза, высадить новую надпись – уж больно старая заросла, хотя жители деревни ее чистили регулярно. Теперь уже и новой надписи, которая по-ученому называется геоглиф, сорок лет. Ее видно даже на спутниковых снимках.

⁸⁷У «Колхозного знамени» каждое лыко шло в строку. Вот заметка об аресте Эрнста Тельмана, напечатанная в марте тридцать третьего года: «На зверские выступления гитлеровцев ответим борьбой за большевистский колхоз. Несколько дней тому назад арестован и брошен в тюрьму любимый вождь рабочих т. Тельман. Мракобесы творят свою гнусную политику и против этой гнусной политики, против бандитизма фашистов должна выступить общественность Вытегорского района. Лучшим нашим ответом будет служить большевистская подготовка к весеннему севу и решительная борьба за высокий урожай. На зверские выступления гитлеровцев, на их гнусную клевету и нападки на компартию Германии, ответим стопроцентной ссыпкой и сортировкой семян, борьбой за упитанного коня, борьбой за большевистский колхоз».

⁸⁸Теперь улица, на которой стоял дом, где Киров прожил четыре дня, называется его именем, а через семь лет после его визита в Вытегре Кирову поставили памятник. Он до сих пор стоит в городском скверике. Белая краска, которой он был когда-то покрашен, сильно облезла, фигура члена

Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ВЦИК СССР местами почернела от сырости и от головы до сапог покрыта сетью больших и маленьких трещин, а от полы Кировской шинели отвалился изрядный кусок то ли гипса, то ли глины. Только взгляд у пламенного революционера такой же твердый, непреклонный, и устремлен в светлое социалистическое будущее, а оно уже за шеломянем еси и с каждым днем все дальше и дальше уходит от нас в прошлое.

⁸⁹Плотный кубометр – единица измерения объема древесины, полностью (без пустот) занимающей пространство объемом один кубический метр.

⁹⁰Бывало и за половину буханки. Ровно столько выдавали спецпереселенцам в поселении «Известь», расположенном в Вытегорском районе в тридцати пяти километрах южнее Вытегры, на реке Лема, в глухом лесу. Спецпереселенцами называли раскулаченных крестьян и членов их семей, зачастую проживавших в том же Вытегорском районе. Жили спецпоселенцы в бараках. Работали зимой на заготовке леса, а весной на его сплаве по реке. За работу получали паек – четыреста граммов хлеба. Как раз половину буханки. Свободно передвигаться спецпереселенцы не могли в течение пяти лет. А.В. Маньшева, ребенком попавшая вместе с матерью в спецпоселение «Известь», вспоминала: «Весной тридцать второго года мужчин дома никого не было, матери стали работать на сплаве леса по реке <...>. наших матерей отправляли, где хуже и тяжелее. Мастер по сплаву утром кричит: «Эй, выселенки! Вплавь за реку лес катать!» Что было им делать, если не пойдешь – пайку хлеба не дают. Вот они, наши матери, вброд по реке, а весной вода в реке выше пояса, а иногда даже одна голова над водой, а вода со льдинами. День катают, а вечером надо в барак, опять вплавь. Наутро опять такая же картина и до тех пор, пока не кончится лес...».

Еще одно спецпоселение, «Ветка», находилось в полусотне километров юго-восточнее Вытегры, в шестнадцати километрах от шоссеной дороги. И.Ф. Гришкин, сын раскулаченного Ф.Н. Гришкина, рассказывал: «Я, одиннадцатилетний подросток, вместе со своими родителями, младшими братьями и сестрами, а также с семьями трех дядей <...> зимой были привезены на Ветку. Одновременно с нами были семьи раскулаченных Стакановых, Степкиных, Кирьяновых. Всех нас поместили в один барак, в котором уже жили приехавшие по вербовке финны. Из-за тесноты и большой скучности людей погибла моя младшая сестра Лиза, нечаянно упавшая в корыто с горячим щелоком. Посреди барака стояла печка – чугунок, под потолком проходила железная труба, на которой рабочие сушили одежду. Спали все на нарах. Был страшный голод, за работу платили часть денег и давали пайки хлеба. Труд был тяжелый, так как было дано твердое задание. С помощью лучковой пилы нужно было каждому мужчине в течение суток заготовить семь кубометров леса. Если пила ломалась, то были вынуждены ночью ее ремонтировать. Иначе это считалось умышленным вредительством, за которое давали до семи лет тюремного заключения. За невыполнение задания тоже наказывали. Мой дядя Н.И. Гришкин не справлялся с нормой и был сослан в Кресты».

⁹¹Власти требовали по-ударному выполнить план по сдаче пушнины за тридцать второй год: «План первого квартала на 1 февраля выполнен на 26%. Это говорит за то, что наши заготовители своевременно не подготовились к развертыванию работы. Запрещение охоты в нашем районе на куницу и выдру, неурожай белки, тем более обязывала заготовителей принять энергичные меры к заготовке других видов зверя (не пренебрегая даже кошкой и собакой), к большей внимательности к охотникам. <...> до конца охоты осталось несколько дней (срок первое марта). В эти решающие дни надо принять энергичные меры к усилению заготовок. <...> Районное экспортное совещание объявило с 19 по 29 февраля декадник по усилению заготовок пушмехсырья. В этот декадник заготовители выедут в район с красными санями снабженными протомарами для расчетов со сдатчиками пушнины на месте. Экспортное совещание постановило, что по пути следования красных саний, все охотники, независимо от наличия договоров, должны сдавать пушнину представителю той организации, которая сопровождает красные сани. Общими усилиями ликвидируем наметившийся прорыв в районном заготплане по пушнине».

⁹²В качестве примера приведем две заметки, напечатанные в одном и том же номере «Колхозного знамени», в феврале тридцать второго года. Первая, анонимная, называется «Снять с колхозного проката», а вторая, редакционная, уже с оргвыводами, «За партруководство киноработой».

«Кинофильма “Понятая ошибка”, казалось бы, должна организовать колхозный прилив, организовывать колхозников, бедняков и середняков на решительное наступление на кулака. <...> Но сценарист и постановщик допустили ряд таких грубых ошибок, что от хороших стремлений почти ничего и не остается, фильма превращается в антиколхозную. Что показано в картине? Как будто бы советская власть бессильна против открытых вылазок классового врага, а лица сельсовета, партийной и комсомольской организации не показано. Все, без исключения, женщины в картине показаны яркими противниками колхозного строительства, сборища которых разгоняются кольями. Помощь совхоза в организации колхоза, в борьбе с кулачеством, роль совхоза смазана и почти сведена на нет. <...> Классовый враг, просмотрев эту картину скажет: – Видите кольями в колхоз загоняют. Картина демобилизует, картина искажает действительность. По инициативе школьной ячейки ВКП(б) был устроен просмотр картины “Понятая ошибка” представителями партийных, комсомольских и общественных организаций. На просмотре решено поставить вопрос перед Облотделением Союзкино о снятии “Понятой ошибки” с деревенского проката, как идеологически вредной. Это должно быть сделано. Да и место ли ей вообще на нашем экране? Союзкино, отвечай, ждем вашего ответа».

«В Вытегорском районе работают кинопередвижки Союзкино. И нужно признаться, что кино-работа в деревне поставлена из рук вон плохо. Местный общественный актив киноработе не уделяет должного внимания. Киноработой не интересуется ни сельсовет, ни партячейка, ни комсомолка; на кинопередвижку смотрят как на незваного гостя, не учитывая политического и организующего значения кинофильмов. Зачастую даже изба-читальня не помогает в организации политокружения вокруг кинокартины. В свою очередь наши киномеханики не уделяют должного внимания политпросветработе вокруг кинокартин. Такое отношение должно быть решительно изменено. <...> Партячейки должны осуществлять постоянное руководство в киноработе. На помощь киномеханикам следует прийти всей общественности».

⁹³Дело Ивана Горячего было не единственным, увы. В том же тридцать седьмом году коচেга ра буксира Федора Лукичева осудили на десять лет только за то, что он во время рейса, высунувшись из иллюминатора, показал пальцем на идущее по берегу Вытегры стадо коз и сказал: «Смотрите, вот идет стадо сталинских коров».

⁹⁴Это село в то время было административным центром Оштинского района. После войны, в пятьдесят пятом году, район был упразднен и вошел в состав Вытегорского.

⁹⁶Авиасосна и авиабереза к началу войны широко использовались в отечественном самолетостроении, поскольку алюминиевых сплавов не хватало. К примеру, планер истребителя ЛаГГ-3, которых было построено за годы войны более семи тысяч штук, практически целиком состоял из сосны. Деревянные хвосты и консоли крыльев имели штурмовики Ил-2. Кроме того, лыжи всех типов самолетов изготавливались из дерева. Сосны и березы для авиационной промышленности тщательно выбирались – специально обученные люди искали и клеймили прямослойные, имевшие мало сучьев стволы. Клеймить и вывезти их нужно было зимой, поскольку весной освещенные солнцем деревья начинали трескаться, а деревьяев этих были сотни и тысячи...

⁹⁷К началу войны в колхозах Вытегорского района ни одного трактора, ни одного комбайна в собственности не было. Хотите трактор или комбайн – обращайтесь в машинно-тракторную станцию (МТС), заключайте договор и вам вспашут, а за вспашку заплатите зерном по твердым ставкам. Когда началась война, часть тракторов и машин изъяли на нужды фронта, а большую часть годных к службе трактористов призвали в армию. Места мужчин заняли женщины и девушки, но места отсутствующих тракторов и запчастей занять было некому. Так что с механизацией сельскохозяйственных работ дело обстояло из рук вон плохо.

⁹⁸В конце мая сорок третьего, то есть как раз во время весеннего сева, «Колхозное знамя» пишет: «За последние дни колхозы Ундозера начали исправлять допущенную ошибку, которая заключалась в недооценке крупного рогатого скота, как тягловой силы на весенне-полевых работах. Вновь обучено и привлечено на полевые работы девять коров <...>. Сейчас в Ундозере работает на полевых работах восемнадцать голов крупного рогатого скота, но этого мало. Следует привлекать к работам значительно большее количество коров, в том числе и коров личного пользования колхозников». Еще одна заметка от девятого декабря того же года: «В колхозе “Октябренок” Марковского сельсовета в качестве тягловой силы используется бык, который вполне заменяет лошадь. На нем

возят снопы, навоз и выполняют другие сельскохозяйственные работы. Бык с успехом перевозит грузы и на сравнительно дальние расстояния». Обычных читателей это вряд ли заинтересует, но любителям подробностей сообщим, что бык в совхозе «Пчельник» Палтогского сельсовета и вовсе стал чемпион по вывозу удобрений – на нем весной сорок четвертого вывезли на поля 540 возов удобрений.

⁹⁹За порчу техники, пусть и не умышленную, тоже по голове не гладили. В июне сорок четвертого года трактористка вытегорской МТС Войнова Татьяна Ивановна получила два года лишения свободы за то, что «Весной текущего года приняла трактор, шплинтовку шатуна произвела слишком слабо, в нарушение всех технических правил, вследствие чего при заводке трактор вышел из строя, чем причинен ущерб МТС в сумме 2221 руб.».

¹⁰⁰Колхозы должны были сдавать свою продукцию государству еще по довоенным ценам, то есть практически даром, в то время как рыночные цены выросли в сто и даже в двести раз.

¹⁰¹Когда читаешь перечень того, что вытегоры отдавали фронту, понимаешь, что это совсем не излишки. Вот список того, что отправили на фронт в качестве подарков в сорок втором году работники вытегорского райисполкома: «три килограмма пряников, килограмм сахарного песка, десять кусков туалетного мыла, четыре пары носков, четыре носовых платка, два кисета, тридцать килограммов свежей капусты, полтора килограмма луку, пять штук яиц, спички, бумага, карандаши <...>». В районную комиссию по сбору подарков «С колхоза «Красная деревня» Вытегорского сельсовета поступило тридцать килограммов свеклы и два десятка яиц, от райотдела связи двести пятьдесят граммов табаку, сто штук конвертов, сто коробков спичек, три банки ягод, две банки соленых грибов и 644 рубля деньгами <...>».

¹⁰²В качестве новогоднего подарка в конце сорок второго года вытегоры отправили бойцам фронта 3400 сдобных булочек.

¹⁰³Из воспоминаний участницы разминирования Клавдии Николаевны Логиновой: «Сердце сжимается от боли, когда вспоминаешь об обстоятельствах гибели шестнадцатилетней Таисии Новожиловой. Эта миловидная девушка со светлым венчиком косы на голове имела шанс остаться живой, если бы сама попыталась обезвредить мину. Увы... В тот день, 27 октября, у Таши было хорошее настроение. К ней должна была приехать мать, и девушка обещала своим подружкам устроить маленький праздник. Не с пустыми же руками приедет мама, обязательно привезет чего-нибудь вкусенького!

Тася обезвредила уже немало ЯМ-5* и вдруг нерешительно остановилась перед очередной миной. Ящик был весь в воде, взрывателя не видно.

– Девчонки, я боюсь обезвреживать эту мину, – засомневалась Тася.

И тут, словно черт, в самый неподходящий момент подскочил к ней работавший на другом минном поле Афанасий Сырчин.

– Эх ты, трусиха, – сказал он, – давай я сниму мину.

Никто не посоветовал Тасе, чтобы она отошла на безопасное расстояние, и сердце ей тоже, видимо, не подсказало. А он рванул мину снизу за края. Скорей всего чека от сотрясения выскочила из взрывателя, грянул взрыв. Сырчин погиб сразу же, Тася некоторое время была еще жива. Она лежала с вырванными внутренностями, пыталась задохнуться их обратно и все повторяла:

– Как же я маме покажусь в таком виде?»

Из воспоминаний участницы разминирования Валентины Николаевны Сикомас: «Помню свой первый день: дали нам шупы (это двухметровая палка с металлическим наконечником). Подошли мы к минному полю, и встали мы вдоль дороги. Наш начальник разминирования И.Т. Васькин и командир-минёр Слава Попов решили показать новичкам, как проходит разминирование. Первая же мина взорвалась. Двоих наших девчонок взрывом отбросило с дороги, а командира ранило. Его отправили самолётом в госпиталь в Вологду. Мы, минёры – девчата, в таком состоянии были в ту минуту: кто плакал, кто кричал и убегал по дороге. Но Васькин остановил всех, отправил в расположение, смог успокоить. Не легко было начальнику с нами после несчастных случаев, но старались успокоить нас. Васькин брал гармонь и дежурных всех отправлял в клуб, где мы – молодые могли забывать плохое, поднимали нам настроение. Работа минёра очень опасная, здесь знает каждый,

малейшая ошибка – смерть. Вспоминается, в этом же году мы были отправлены осенью в Жабенцы, на берегу Онежского озера, на разминирование устья р. Ошта. Минные поля были на болоте, сверху вода в болоте до пояса – холодная, трава высокая, а мины “помзы”** натяжного действия осколочные “чугунки” в траве не видно проволоки. На этом минном поле мы потеряли медсестру Надю Ерехову, тяжело ранило старшину и сержанта, с трудом вынесли их с минного поля».

* ЯМ-5 (ящичная мина № 5) – советская противотанковая мина нажимного действия.

** ПОМЗ-2 (Противопехотная осколочная мина заграждения) – советская противопехотная осколочная мина натяжного действия.

¹⁰⁴ Первые послевоенные годы по воспоминаниям местных жителей, были еще голоднее военных – пока фронт был рядом, солдаты и офицеры делились своими пайками с местными жителями, а как фронт ушел на запад...

Из воспоминаний Анны Степановны Севриной, проживавшей во время войны в деревне Исаево Вытегорского района: «Еды было мало, но солдатам давали по кусочку сахара, от которого они частенько отламывали половинку и давали детям. Я помню, с каким наслаждением рассасывала этот сахарок. Но мать, как увидит, не разрешала ничего брать у солдат, говорила, что они и так голодные».

¹⁰⁵ Только консервация обошлась государству в десять с лишним миллионов еще тех, послевоенных, рублей. Потом, когда снова стали строить, решили сэкономить на всем, на чем это можно сделать. Жертвой экономии в первую очередь стало архитектурное оформление шлюзов. Пишный сталинский ампи́р с его колоннами, ротондами, статуями рабочих, ученых, колхозниц и, конечно же, лучшего друга физкультурников, сменили унылые бетонные коробки.

¹⁰⁶ К концу пятидесятых на стройке работали не только заключенные. Большая часть рабочих была вольнонаемной молодежью. Стройка даже была объявлена ударной и комсомольской. Из армии демобилизовали несколько сот молодых мужчин с тем условием, что они оставшийся срок службы проработают на строительстве Волго-Балта. Они работали и в сильные морозы на укладке бетона, когда заключенных на работы не выводили. В вытегорском музее Водных путей Севера на витрине под стеклом рядом с огромным кирзовым сапогом лежит пара лаковых женских туфель, сделанных на рижской обувной фабрике Pioniers в шестидесятом году.

¹⁰⁷ Обычному читателю, тем более молодому и не заставшему семидесятые и восьмидесятые, это вряд ли будет интересно, но для буквоедов, помнящих те времена, сообщим, что в восемьдесят восьмом году билет до Ленинграда на ЯК-40 стоил четырнадцать рублей, а до Вологды на АН-2 девять рублей с копейками. Полет до Ленинграда занимал ровно час, а полет до Вологды два с лишним часа, поскольку АН-2 еще и умудрялся делать две промежуточные посадки. Теперь до Вологды из Вытегры ведет отличное шоссе, и на машине можно доехать за четыре или пять часов – как повезет, но память о девяти рублях с копейками...

¹⁰⁸ С тех пор прошло тридцать с лишним лет. Газ все обещают. Многоквартирные дома отапливаются котельными, которые работают на угле. Уголь везут по железной дороге, а ближайшая к Вытегре станция на железной дороге – Лодейное поле. Оттуда до Вытегры полторы сотни километров. Уголь везут на машинах, и потому отопление обходится вытегорам дорого, и очень. Новые дома отапливают электричеством. Электричество поступает с гидроэлектростанции на реке Свирь по линии электропередач. Тоже не ближний свет... В двадцать четвертом году обещают подвести газ обязательно.

¹⁰⁹ Рабочих мест в Вытегре и районе не так много, и потому китайский завод пришелся как нельзя кстати. Кроме этого завода можно устроиться на лесопильный деревообрабатывающий комбинат, на Вытегорский район гидросооружений и судоходства, на хлебозавод, который кроме хлеба насущного производит пряники, овсяное печенье, трехслойный мармелад и зефир двух сортов, на рудник, где добывают известняк для Череповецкого металлургического комбината, а можно сразу поехать работать в Череповец, Вологду или Питер, что молодежь и делает.

¹¹⁰ В две тысячи пятом году в Вытегре стало на один музей больше – подводную лодку Б-440, переоборудованную в музей на Кронштадтском морском заводе, через Ладожское и Онежское озеро доставили в Вытегру, где для нее в Вытегорском заливе специально углубили дно. Вытегра

не чужая подводным лодкам. В конце девятнадцатого века здесь родился будущий конструктор и строитель советских подводных лодок инженер-контр-адмирал Михаил Алексеевич Рудницкий. Музей, что и говорить, интересный – тут вам и торпедные аппараты, и перископ, и множество вентиляей, манометров, датчиков и передатчиков. Мальчиков любого возраста заранее просят не вытаскивать руки из карманов и не крутить все, что крутится. С одной стороны, это хорошо, и очень. С другой стороны – тоже, а вот с третьей... обидно. Вытегра – это не только и не столько подводная лодка, пусть и переделанная под музей. Вытегра – это и Петр Первый, и Беседная гора, и бесчисленное количество построенных галиотов, барок, полубарок и мариинок, и Мариинская система, и Девятинский перекоп, и Волго-Балт, и музей «Водные пути Севера», и краеведческий музей с богатой коллекцией икон вытегорской школы, сложившейся еще в конце шестнадцатого века, портретами вытегорских купцов, купчих и их детей... Кстати, о коллекции икон. Она была бы еще богаче, кабы самое ценное из нее не забрал Русский музей. Сначала брали на реставрацию, а потом, как это обычно бывает, когда большой столичный музей берет экспонат у маленького провинциального на время...

Между прочим, перед краеведческим музеем, расположенном на первом этаже обычного пятиэтажного дома, лежит на лужайке ствол большой чугунной пушки восемнадцатого века. Нет, ее не выкопали на полях Вытегорского района – она сюда приплыла на сухогрузе Волго-Дон 5. В начале семидесятых этот сухогруз, снимаясь с якоря в Неве, аккуратно возле крепости Орешек, поднял вместе с якорем пушку. Немедля объявили аврал и втащили пушку на палубу. Капитан посмотрел на нее и решил, что такая пушка наверняка приходится в хозяйстве. Пошел сухогруз домой, в обратный путь, и на Онежском озере попал не то чтобы в шторм, а просто в непогоду. Надо сказать, что непогода на Онежском озере выглядит как шторм на любом другом озере и даже на море. Пушка, конечно, была закреплена, но... весила около четырех чугунных тонн. Стала она перекатываться по палубе. Когда четырехтонный груз, а именно столько весила пушка трехметровой длины и калибром в сто пятьдесят миллиметров, перекатывается по палубе... Намалялись с ней так, что на первом же шлюзе Волго-Балта списали на берег и подарили Вытегорскому краеведческому музею.

И это не все экспонаты, что лежат перед входом в краеведческий музей. Есть еще целебный камень, привезенный с мыса Петропавловского на Онежском озере. Лежал он там возле часовни во имя Петра и Павла. Камень может успокоить зубную боль. Сам я не пробовал, но мне об этом рассказывала Елена Николаевна Шинкарчук* – заведующая краеведческим отделом Вытегорского объединенного музея. Сама она тоже не пробовала, но ей рассказывали знающие люди, что достаточно приложиться щекой к камню или даже собрать из-под него песок в мешочек, а потом этот мешочек прикладывать к щеке, то все как рукой снимет. Приезжали как-то в Вытегру стоматологи и зашли в музей на экскурсию – так их от этого камня еле оттащили. Признаюсь вам, что это не первый на моей памяти камень, который лечит от зубной боли. Видел я такие в нескольких районных музеях нашей необъятной родины. В краеведческом музее Кологрива видел даже целебный листовичный пень, снимающий как рукой зубную боль, но во всех случаях нужно было камни и дерево грызть. Дерево еще куда ни шло, но камни... На это, скажу я вам, не каждый согласится, а тут приложился щекой и... Не говоря о песке, который можно насыпать в мешочек и увезти с собой. Стоматологов можно понять...

*Без помощи Елены Николаевны эта повесть о Вытегре была бы куда менее полной. Автор признателен ей за возможность ознакомиться с материалами, находящимися в архивах и фондах краеведческого отдела музея, и за ценные замечания, сделанные при чтении рукописи.

Библиография

А. М. Иванищев. Археологические исследования в Южном Прионежье в конце XX – начале XXI веков // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / Гл. ред. Г.В. Судаков. Сост. С.А. Тихомиров. – Вологда: Книжное наследие, 2007. – С. 151–161.

- А. М. Иванищев. Древности Вытегории // Вытегра. Краеведческий альманах. Выпуск 1, испр. – Вологда, 2008. – 400 с. – С. 11–42.
- К. А. Невалин. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1853. – XII, 236, 415 с., 1 л. карт.; 22. – Из Записок Императорского русского географического общества, Кн. VIII.
- Н. А. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 262 с.
- А. Е. Едовин. Заволочье в средневековой русской истории (X–XIII вв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук – Архангельск, 2001. – 215 с.
- Р. Б. Мюллер Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. – Петрозаводск, 1947. – 176 с.
- Карелия в XVII веке: сборник документов /составлен Р. Б. Мюллер; под редакцией А. И. Андреева. – Петрозаводск, 1948. – 442 с.
- Карельская деревня в XVII веке: Сборник документов / Сост. Р.Б. Мюллер; Под ред. А. И. Андреева. – Петрозаводск, 1941. – 379 с.
- М. В. Витов. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. – М., 1962. – 291 с.
- Писцовые книги Обонежской пятины: 1496 и 1563 гг. под общ. Ред. М.Н. Покровского. – Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. – IV, 268, [6] с.– 271 с. – Мат. по истории народов СССР. Вып. 1. Материалы по истории Карел. АССР.
- Д. В. Бруснищя. Пашенные солдаты в Северо-западном российском приграничье: опыт привлечения карельских крестьян к военной службе (1649–1666). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Петрозаводск, 2014. – 294 с.
- А. С. Бочкарев. Проблема дезертирства из Олонецких полков «нового строя» в период войн с Речью Посполитой и Швецией в середине XVII века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Петрозаводск, 2023. – 206 с.
- А. А. Остапенко, Н. А. Остапенко. Азовская икона Божией Матери: история возникновения и иконография малоизвестного образа. – Краснодар, 2017. – 40 с.
- Состояние России при нынешнем царе. Сочинение капитана Джона Перри. Пер. с англ. княжны Ольги Михайловны Дондуковой-Корсаковой. – Москва, 1871. – 195 с.
- Павел Львов. Петр Первый, творец Мариинского канала // Отечественные записки. – Санкт-Петербург, 1821. – Часть VII. С. 277–308.
- Т. О. Спивак. Письма из прошлого. – Вологда, 2004. – 287 с.
- В. А. Терехова. Развитие торгово-промышленной деятельности вытегорского купечества в XVIII–XIX веках // Вытегра. Краеведческий альманах. Выпуск 3. – Вологда, 2005. – 336 с. – С. 89–100.
- К. М. Петров. Город Вытегра. //Вытегра. Краеведческий альманах. Выпуск 1, испр. – Вологда, 2008. – 400 с. – С. 375–385.
- Город Вытегра // Олонецкие губернские ведомости. – 1868. – № 15. – С. 238–241.
- Павел Львов. Город Вытегра // Отечественные записки. – Санкт-Петербург, 1823. – Часть XIV. № 36 – 156 с. – С. 119–157.
- Е. М. Эпштейн. Г. Р. Державин в Карелии. – Петрозаводск: Карелия, 1987. – 134 с.
- И. Б. Емелин. Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXII международной научной конференции. Москва, 11–12 апреля 2019 года. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2019. – С. 144–146.
- Ю. А. Смирнов. У истоков города //Вытегра. Краеведческий альманах. Выпуск 1, испр. – Вологда, 2008. – 400 с. – С. 338–349.
- Д. И. Иловайский. Граф Яков Сиверс. Биографический очерк. Гл. III–V // Русский вестник. – Т. 55. № 2. – С. 631–633.
- В. М. Пименов, Е. М. Эпштейн Русские исследователи Карелии (XVIII в.) Очерки. – Петрозаводск, 1958. – 196 с.
- Н. А. Митрошкина. Вытегорская кухня (по материалам экспедиционных исследований 1978–2010 годов) // Вытегра. Краеведческий альманах. Выпуск 5. – Вологда, 2015. С. 149–174.

Свадебные обычаи, причитания и песни в с. Коштугах, Вытегорского уезда // Олонецкие губернские ведомости. – 1893. – № 22. – С. 6–8.

Статистические материалы. Вытегорский погост // Там же. 1884. – № 72. – С. 710–711.

Статистические материалы. Вытегорский погост // Там же. 1884. – № 79. – С. 768.

Статистические материалы. Вытегорский погост. // Там же. 1884. – № 2. – С.11–12.

Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому, Надворного советника, Императорской Академии Наук Академика, Императорского Шляхетного Сухопутного Кадетского корпуса Профессора в Российском слове, Медицины Доктора, Императорской Российской Академии, С.П.Б. Вольного Экономического Общества и Бернского в Швейцарии члена, Николая Озерецковского. В Санкт-Петербурге, при Императорской Академии Наук 1792 года. – 348 с.

Я. А. Балагуров. Расслоение Олонецких приписных крестьян во второй половине XVIII столетия // Вопросы истории Карелии. Труды Карельского филиала АН СССР. X выпуск. – Петрозаводск, 1958. – С. 14–35.

А. С. Воронов. Федор Иванович Янкович де Мириево или народные училища в России при императрице Екатерине II-й. – Санкт-Петербург, 1858. – 168 с. – С. 116–118.

Учебные заведения в г. Вытегре // Олонецкие губернские ведомости. – 1864. – 4 марта (№14). – С. 65–67.

И. В. Петрашень. Мариинская система 1810–1910. Ч. 1–3. – Санкт-Петербург, 1910. – 216 с.

Ф. И. Дьяков. Город Вытегра // Вытегра. Краеведческий альманах. Выпуск 1, испр. – Вологда, 2008. – 400 с. – С. 390–392.

К. Р. Слащев. Демографическая ситуация в городе Вытегре и Вытегорском уезде в начале XIX века // Там же. Выпуск 3. – Вологда, 2005. – 336 с. – С. 10–14.

В. В. Фомина. Проект перенесения губернского управления из Петрозаводска в Вытегру в 1820-е годы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета, 2014. – № 5. – С. 102–109.

С. А. Левитский. Проекты перенесения губернского управления из Петрозаводска в Вытегру. – Петрозаводск, 1902. – 27 с.

Павел Львов. Город Вытегра // Отечественные записки. Санкт-Петербург, 1823. Часть XIV. № 36. – 156 с. – С. 119–157.

Л. Н. Репина. История развития здравоохранения Вытегорского района. – Вытегра, 2019. – 44 с.

В. А. Дашков. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношении, составленное В. Дашковым: с одобрения Статистического отделения Совета Министрства внутренних дел. – Санкт-Петербург, 1842. – 222 с.

С объявлением выговора Членам Вытегорского Земского Суда: Старшему Непременному Заседателю Богданову, Секретарю Подшивалову и бывшему в должности Станового Пристава Гаврилову // Олонецкие губернские ведомости. 1838. – № 44. – С. 388–389.

С выговором Членам Вытегорского Земского Суда чиновникам: Брашу, Богданову и Секретарю Подшивалову // Там же. 1839. – № 3. – С. 18–19.

С объявлением строгого выговора Вытегорскому Городничему // Там же. 1838. – № 51. – С. 453.

Вытегорским крестьянам, поручившимся о исправной доставке оружия в С.Петербург // Там же. 1838. – № 5. – С. 50–51.

Вытегорским крестьянам, поручившимся о исправной доставке оружия в С.Петербург // Там же. 1838. – № 7. – С. 66.

Опыт описания Олонецкой губернии, составленный К. Бергштроссером. – С.Петербург, 1838. – 135 с.

Е. А. Калинина. Уездные училища Олонецкой губернии в системе просвещения России в первой половине XIX века // Вестник Череповецкого государственного университета – 2014. – № 3. – С. 35–39.

Сметы городских доходов и расходов по городу Вытегре // Олонецкие губернские ведомости. – 1841. – № 24. – С. 120–121.

Сметы городских доходов и расходов по городу Вытегре // Там же. 1841. – № 30. – С. 159–160.

- Олонецкие известия // Там же. 1847. – № 35. – С. 5.
- О высочайших посещениях Олонецкой губернии Августейшими Особами в XIX столетии. Исторический сборник. Выпуск I. – Петрозаводск, 1877. – 56 с.
- Учебные заведения в г. Вытегре // Олонецкие губернские ведомости. – 1864. – № 18. С. 32.
- Вытегорские училища // Там же. 1864. – №9. – С. 141.
- Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Выпуск третий. – Петрозаводск, 1894. – С. 371.
- О дозволении вдове Щербак быть смотрительницей при Вытегорской временной тюрьме // Олонецкие губернские ведомости. – 1871. – №2. – С. 25–26.
- Столетие города Вытегры. 1773–1873 г. По случаю празднования столетнего юбилея 23-декабря 1873 г. – Петрозаводск, 1874. – С. 23.
- Постройка и освящение земской больницы в г. Вытегре // Олонецкие губернские ведомости. 1872. № 88. С. 1009–10010.
- Из Вытегры // Там же. 1872. – № 12. – С. 142.
- Спектакль в г. Вытегре // Там же. 1872. – № 20. – С. 231–232.
- Второй съезд учителей в Вытегорском уезде // Там же. 1873. – № 69. – С. 793–795.
- Заводская промышленность в Вытегорском уезде // Там же. 1873. – № 92. – С. 1044.
- Горное дело в Вытегорском уезде // Там же. 1873. – № 100. – С.1157–1158.
- Происшествия в губернии // Там же. 1873. – № 42. – С.506.
- Обязательные постановления для жителей города Вытегры // Там же. 1873. – № 28. – С.322–324.
- Л. К. Казаринова. Город Вытегра в конце XIX – начале XX века // Вытегра. Краеведческий альманах. Выпуск 4. – Вологда, 2010. – 400 с. – С. 55–72.
- О народных учителях в былое время в Кондушском приходе Вытегорского уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1875. – № 9. – С.93–95.
- Журналы Вытегорского уездного очередного земского собрания. Заседание седьмое, 4 октября 1870 г. // Там же. 1871. – № 4. – С. 54.
- Журналы Вытегорской городской думы. Заседание 26 декабря 1876 года. // Там же. 1875. – № 8. – С.71–72.
- Открытие учительской семинарии в г. Вытегре // Там же. 1875. – № 78. – С. 871–873.
- Пожертвования на приобретение морских судов добровольного флота // Там же. 1878. – № 80. – С. 955.
- Пожертвования на приобретение морских судов добровольного флота // Там же. 1878. – № 42. – С. 515.
- Село Тихманга // Там же. 1878. – № 20. – С. 263.
- Театральные представления в г. Вытегре // Там же. 1878. – № 48. – С. 592.
- Пожертвования в пользу Вытегорской Николаевской женской прогимназии // Там же. 1878. – № 33. – С. 416.
- Журналы Вытегорской городской думы // Там же. 1880. – № 18. – С. 229.
- Заготовка муки для бедных жителей г. Вытегры // Там же. 1880. – № 85. – С. 952.
- Журналы Вытегорской городской думы. // Там же. 1880. – № 11. – С. 138.
- Появление хлебных червей в Вытегорском уезде и средства к их истреблению // Олонецкие губернские ведомости. 1880. № 64. С. 738.
- Журналы Вытегорской городской думы // Там же. 1881. – № 33. – С. 389.
- Журналы Вытегорской городской думы // Там же. 1883. – № 27. – С. 272.
- Журналы Вытегорской городской думы // Там же. 1883. – № 64. – С. 654.
- Народные болезни в Вытегорском уезде в 1880–1881 году // Там же. 1881. – № 85. – С. 1015.
- О состоянии начальных народных училищ Вытегорского уезда // Там же. 1884. – № 25. – С. 253.
- Н. И. Соболищikov-Самарин Записки. Издание второе, дополненное. – Горький, 1960. – 386 с. – С. 57–62.
- 100-летний юбилей // Олонецкие губернские ведомости. 1888. № 9. С. 86–87.

- Страшная кровавая драма // Там же. 1888. – № 11. – С. 105.
- Отчет о деятельности общества вспомоществования бедным ученикам, обучающимся в Вытегорском уезде, за 1887 г. // Там же. 1888. – № 23. – С. 209–210.
- Р. Б. Калашникова. Вечериночная традиция Вытегорского уезда Олонецкой губернии второй половины XIX века // Кижский вестник. № 6. (Сборник статей). Музей-заповедник «Кижы». – Петрозаводск, 2001. – 253 с. – С. 96–111.
- К. К. Случевский. По Северо-Западу России. Том 2. По западу России. – СПб., 1897. – С.357–359.
- Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 год. Издание Олонецкого Губернского статистического комитета. – Петрозаводск, 1903. – VIII, 349, III, XV с.
- Неизданный Федор Сологуб. – М.: Новое лит. обозрение, 1997. – 575 с.
- Вытегра (корреспонденция) // Олонецкие губернские ведомости. 1909. – № 10. – С. 1–2.
- Вл. Копятевич. Как мы пьем? // Вестник Олонецкого губернского земства. – Петрозаводск, 1909. – №7. – С. 10–11.
- Е.Н. Шинкарчук. Социально-экономическая ситуация в Вытегорском уезде в 1917–1918 годах, архив МБУК Вытегорский объединенный музей Вытегра, 2017. – 23 с.
- А. К. Матвеев. На грани эпох: повествование в 2-х частях. Рукопись из фондов МБУК Вытегорский объединенный музей. – 77 с.
- Л. К. Казаринова. Установление Советской власти в Вытегорском уезде (1917–1918 гг.) // Вытегра. Краеведческий альманах. Выпуск 3. – Вологда, 2005. – 336 с. – С. 24–38.
- Сообщения из уездов // Вытегорское уездное земское собрание. Вестник Олонецкого Губернского Земства. – Петрозаводск, 1918. – № 5. – С. 18.
- Хлебный кризис // Известия Олонецкого Губернского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – № 53. – С. 3.
- Из Вытегры // Там же. 1917. – № 45. – С. 4.
- От редакции // Известия Вытегорского совета крестьянских и рабочих депутатов. 1918. № 1. С. 1.
- Вечер в память Карла Маркса // Там же. 1918. – № 10. – С. 1.
- Постановление Выт. у. Совдепа // Там же. 1918. – № 9. – С. 1.
- События 4-го июня // Там же. 1918. – № 18. – С. 1–2.
- Чай из моркови // Там же. 1919. – № 6. – С. 2.
- Известия Вытегорского совета крестьянских, рабочих и кр-арм. депутатов. – 1919. – № 4. – С. 1–2.
- Звезда Вытегры. Орган Вытегрского Уездн. Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков), Уездисполкома Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов и Политического Отдела 7-й армии. – 1919. – № 1. – С. 1.
- Звезда Вытегры. Орган Вытегрского Уездн. Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков), Уездисполкома Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов и Политического Отдела 7-й армии. – 1919. – № 3. – С. 1–2.
- Из местной жизни // Вытегорская коммуна. Орган Вытегорского Уездного Комитета РКП (б) и Исполкома Уездн. Совета Кр., Раб. и Кр.-Арм. депутатов. 1919. – № 19. – С. 2.
- Николай Соколов. Летопись вытегорской ЧК и очерки о чекистах (К 95-летию ВЧК_ФСБ). – Вытегра, 2013. – 116 с. – С. 9.
- Трудовое слово. Орган Вытегорского Уездисполкома советов рабочих, крестьян и красноарм. депутатов и уездного комитета Р.К. партии. – 1920. – № 56. – С. 2.
- Трудовое слово. Орган Вытегорского Уездисполкома советов рабочих, крестьян и красноарм. депутатов и уездного комитета Р.К. партии. 1920. № 117. С. 1-2.
- Трудовое слово. Орган Вытегорского Уездисполкома советов рабочих, крестьян и красноарм. депутатов и уездного комитета Р.К. партии. – 1920. – № 6. – С. 2.
- Пример здоровой клубной работы // Крестьянское слово. Орган Вытегорского Уездисполкома советов рабочих, крестьян и красноарм. депутатов и уездного комитета РКП и Райпотребсоюза. – 1926. – № 2. – С. 4.

- Маленькие кооператоры // Там же. 1926. – № 3. – С.3.
- Крестьянское слово. Орган Вытегорского Уездисполкома советов рабочих, крестьян и красноарм. депутатов и уездного комитета РКП и Райпотребсоюза. – 1927. – № 36. – С. 4.
- Колхозное знамя. Орган Вытегорского РК РКП(б) и райисполкома. – 1931. – № 40. – С. 1–3.
- Там же. 1932. – № 9. – С. 1.
- Там же. 1932. – № 14. – С.1–2.
- Там же. 1932. – № 19. – С.1–4.
- Там же. 1933. – № 35. – С.1–2.
- Там же. 1936. – № 92. – С.2.
- Ю. М. Федотов. Сто лет из жизни российской семьи из села Кукуево. Воспоминания. Ч. I. 1915–1954 гг. Детство, опаленное войной. – С.-Петербург, 2008. – 236 с.
- В народном суде // Колхозное знамя. Орган Вытегорского РК РКП(б) и райисполкома. 1944. – № 25. – С. 2.
- Е. Н. Шинкарчук. Колхозы Вытегорского района в годы Великой Отечественной войны. Архив МБУК «ВОМ». – Вытегра, 2016. – 19 с.
- Ундозерцы начинают исправлять свою ошибку // Колхозное знамя. Орган Вытегорского РК РКП(б) и райисполкома. 1924. – № 38. – С. 3.
- Бык заменяет лошадь // Там же. 1943. – № 69. – С. 2.
- Всемерно помогать фронту // Там же. 1941. – № 233. – С. 2.
- Подарки бойцам фронта // Там же. 1942. – № 54. – С. 2.
- Ценный вклад Вытегорских школьников. // Там же. 1942. – № 64. – С. 3.
- Построим танк «Колхозник» // Там же. 1941. – № 242. – С. 2.
- Вклад юных патриотов. // Там же. 1941. – № 246. – С. 2.
- Построим танк «Лесоруб» // Там же. 1941. – № 255. – С. 2.
- Отвечаю на вызов // Там же. 1942. – № 47. – С. 2.
- На призыв вождя // Там же. 1943. – № 13. – С. 2.
- По городу и району // Там же. 1945. – № 49. – С. 2.
- К. Н. Логинова. Минеры – русские мадонны // Вытегра. Краеведческий альманах. Выпуск 1, испр. – Вологда, 2008. – 400 с. – С. 112–129.
- В. И. Михеев. Оштинская оборона (1941–1944 гг.) / В. И. Михеев // Вопросы истории. – 1985. – № 2. – С. 180–184.
- М. А. Драгомерецкая. Спецпоселения в Вытегорском районе в 1930-е годы // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Выпуск IX. – Вологда: Древности Севера, 2001. – 152 с.
- Н. А. Белова. Деятельность пенитенциарных учреждений и их роль в репрессивной политике советского государства в 1937–1953 гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Вологда, 2008. – 213 с.
- С. И. Старостин Массовые депортации и система спецпоселений в Вологодской области в 1930–1950-е годы // Historia Provinciae – Журнал региональной истории. – 2019. – Т. 3. № 1. – С. 212–317.
- Когда провожали отца, мать упала в обморок прямо на дороге // Красный север. Вологодская областная газета. – 2020. – № 47. – С. 32.
- М. П. Дмитриева. Развитие сельского хозяйства за 1946–1980 гг. Архив МБУК Вытегорский объединенный музей. – Вытегра, 1981. – 15 с.
- В. М. Никитинский. Годы перестройки в Вытегорском районе // Вытегра. Краеведческий альманах. Выпуск 4. – Вологда, 2010. – 399 с. – С. 113–119.